PR 5202
.N3
1818
ch.3-4

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PR 4002
Book .C68

YUDIN COLLECTION

Сут. Radcliff, Ann Ward

НАСЛѢДНИЦА МОНТАЛЬДА,

или

ПРИВИДѢНІЕ

и

ТАИНСТВА

ЗАМКА БЕЗАНТО.

Часть третія.

Сочиненіе Анны Радклифъ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА, 1818.

Въ Университетской Типографіи.

PR5202
.N3
1818
104837
08
4.3-4

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Мая 28го 1817 года,

Медицины Докторъ и Профессоръ

П. О. Василій Котельницкій.

НАСЛѢДНИЦА МОНТАЛЬДА.

ГЛАВА VI.

„Мое положеніе внушило въ Аделаиду живѣйшее сердечное соучастіе; съ той минуты, какъ мы познакомились, большую часть каждаго дня проводили мы вмѣстѣ; узнавши о моей фамиліи и высокомъ званіи, она увеличила ко мнѣ свое уваженіе и почтила меня такою довѣренностію, что сообщила свою исторію, которую нашла я совершенно сходную со слышанною отъ Розаліи: на конецъ мы сдѣлались не разлуч-

ными друзьями, какъ и я этого желала, ожидая съ нетерпѣливостію отвѣта отъ Графа Монтальда, что бы увѣриться въ вѣчномъ своемъ удаленіи отъ свѣта.“

„Въ такомъ ожиданіи провела я цѣлой мѣсяцъ, по прошествіи котораго получила желаемое письмо. Первыя строки его были наполнены упреками; какъ я могла рѣшиться на такое не приличное предпріятіе, которое причиняетъ горесть всей моей фамиліи и которое, что бы я ни говорила, не заключаетъ въ себѣ никакихъ побудительныхъ причинъ ни для моего щастія, ни для спасенія. Послѣднія, при нѣкоторомъ повтореніи тѣхъ же доводовъ, содержали одна-

ко жъ въ себѣ то, что естьли я подлинно непоколебима въ своемъ рѣшительномъ намѣреніи; уже не станутъ болѣе ему противиться. Я просила тотъ же часъ, что бы отдали приказанія сдѣлать нужныя приготовленія для священной церемоніи. Но не здоровая Аделаида, желая, что бы я находилась при ней во все то время, въ которое была обязана смотрѣть за нею, умоляла меня отсрочить еще на мѣсяцъ обрядъ посвященія. Я не въ состояніи была отказать въ такой просьбѣ, которая свидѣтельствовала объ искренней ея ко мнѣ дружбѣ, и — склонилась на ея желанія."

„Игуменья была сестра Маркизы, матери молодаго

Сентъ-Беральди и Графини де Сентъ-Альба; она съ нѣжною горячностію любила свою племянницу. Не желая дать знать объ ея состояніи прочимъ монахинямъ, приказала она для нея приготовить маленькія комнаты, на первомъ монастырскомъ дворѣ, весьма отдаленныя отъ прочаго жилья, гдѣ могла она пользоваться всѣми удобностями и принимать къ себѣ особъ постороннихъ. Аделаида оставила внутренность монастыря, и я послѣдовала за нею въ ея новое жилище, гдѣ мы остались вмѣстѣ, какъ она это обѣщала.“

„На третій день послѣ сего почувствовала она первые припадки, наступавшихъ родовъ. Она взяла у меня руку, пожи-

мала ее съ изъявленіемъ радости, что скоро сдѣлается матерью, прибавивъ къ тому; что была бы очень счастлива, естьли бы въ сіи дни видѣла при себѣ своего мужа и свою фамилію. Ея припадки сдѣлались очень часты; она ужасно страдала во время родовъ, нѣсколько часовъ продолжавшихся, и которыя произвели на свѣтъ прекрасную дочь. Такое трудное разрѣшеніе чрезвычайно ее разслабило; горячка, въ которую она впала, усилилась въ ней отъ нестерпимаго желанія увидѣть супруга, къ которому требовала послать нарочнаго. Однако жъ, не смотря на опасность, которой она подверглась, ея состояніе подавало еще надежду на выздоровленіе.“

„Чрезъ два часа послѣ отправленія вѣстника, мы крайне изумились, увидя, что Маркизъ пріѣхалъ, которой съ восхищеніемъ объявилъ намъ, что дѣло рѣшилось въ его пользу, и что онъ пріѣхалъ взять съ собою свою возлюбленную Аделаиду. Его увѣдомили о состояніи, въ какомъ она находилась, и что онъ сталъ отцемъ весьма милаго дитяти; онъ отвѣчалъ, что узналъ объ этомъ отъ посланнаго къ нему нарочнаго, съ которымъ встрѣтился на дорогѣ за нѣсколько миль отъ монастыря. Въ ту жъ минуту побѣжалъ къ своей супругѣ, не предувѣдомивъ ее о своемъ пріѣздѣ. Аделаида была не въ силахъ выдержать и удивленія и

радости, причиненныхъ ей вѣстѣ; она упала въ обморокъ. Любезной роженицѣ была подана всякая помощь. Маркизъ, укоряя себя въ безумiи, умолялъ ее о прощенiи, когда она очувствовалась. Онъ принялъ на руки милую дочь свою; цѣловалъ ее и увѣрялъ, что съ сихъ поръ будутъ они наслаждаться непрерывнымъ благополучiемъ. Аделаида улыбалась, обольщая себя такою же надеждою.“

„Мнѣ была потребна вся бодрость, какую внушило мнѣ рѣшительное намѣренiе, что бы не изнемочь самой при появленiи Маркиза, сего превосходнаго молодаго человѣка, котораго я такъ старалась убѣгать; мое смущенiе было чрезвычайно, и

я вытерпѣла самыя жестокія душевныя движенія: къ щастію, что мое покрывало препятствовало Маркизу меня узнать, скрывъ отъ него подлинное положеніе, въ какомъ я находилась въ минуты его присутствія."

„Намъ сказали, что онъ часть пути проѣхалъ съ Маркизою, своею матерью, которая пожелала увидѣться съ сестрою и проводить свою невѣстку въ Италію; но, уставши отъ дороги, она осталась на одинъ день въ Бріансонѣ. Сіе извѣстіе весьма обрадовало Игуменью, которая тотчасъ приказала сдѣлать приготовленія, къ принятію своей сестры. — Аделаида же, чувствуя доброе къ ней расположеніе свекрови, изъ-

явила мужу свою признательность.“

„На другой день пріѣхала и Маркиза СентЪ - Беральди; нѣсколько лѣтЪ уже не видалась она съ Игуменьею. -- ПріемЪ, какой былЪ ей сдѣланЪ, превосходилЪ всякое описаніе. Положеніе Аделаиды не позволяло ей, какЪ желало бы чувствительное и признательное сердце ея, совершенно соотвѣтствовать изъявленіямЪ дружбы и нѣжной заботливости, расточаемымЪ ей Маркизою, которая называла ее *своею дочерью;* но слезы умиленія были краснорѣчивѣе всѣхЪ изъясненій, и она орошала ими руки сей любезной дамы. Она весьма лѣстно отозвалась о пріемѣ, какой здѣсь получила, и о всѣхЪ ма-

терпскихъ ласкахъ и попеченіяхъ, которыя оказывала ей Игуменья. Особенно же говорила о моемъ къ ней усердіи и о тѣсной дружбѣ, сдѣлавшей насъ не разлучными, со времени моего пріѣзда въ сей монастырь; но не назвала меня по имени, и я была не узнана въ платьѣ послушницы."

„Маркизъ подошелъ ко мнѣ, взялъ мою руку, пожалъ ее съ горячностію и благодарилъ меня въ словахъ, самыхъ почтительныхъ за мое вниманіе къ его женѣ. Такъ какъ я была подъ покрываломъ; то онъ не замѣтилъ, съ кѣмъ изъяснялся; но внутреннее волненіе, которое я чувствовала, когда жалъ мою руку такъ, онъ кого сердце мое, при всей

силѣ разсудка, не могло отказаться, было столь велико, что, мнѣ казалось, будто я измѣняла себѣ не только не ловкими отвѣтами и замѣшательствомъ, но и слабостію силъ, которыя заставили меня страшиться обморока."

„Радость, которую сердце Маркиза оживила надежда на совершенное блгополучіе, продолжалась не долго. Положеніе милой его Аделаиды день отто дня сдѣлалось хуже; или отъ того, что утомилась, много говоривши; или отъ радостнаго восторгу, произведеннаго въ ней нечаяннымъ пріѣздомъ супруга; или что ея состояніе было натуральнымъ слѣдствіемъ трудныхъ и несказанно болезненныхъ родовъ.

Въ продолженіе недѣли горячка ея сдѣлалась такъ зла, что бѣдная Аделаида, казалось, была на краю гроба: тогда, мѣсто всей радости и всѣхъ надеждъ, заняли горесть и уныніе.“

„Спустя нѣсколько дней послѣ разрѣшенія, сія любезная моя подруга, боясь пагубныхъ слѣдствій, просила меня написать письмо къ ея матерѣ, которое сама диктовала. Она употребила въ немъ выраженія, самыя униженныя и самыя трогательныя, умоляя своихъ родителей, простить ее въ такія минуты, которыя угрожали ей весьма явною опасностію лишиться жизни, и убѣждая принять подъ ихъ покровительство, рожденную ею,

дочь, естьли она умрешъ. Письмо ея было отослано съ нарочнымъ, которому приказано привезти отвѣтъ. "

„Цѣлыя три недѣли провели мы въ смертельномъ страхѣ. Съ каждымъ днемъ состояніе нещастной Аделаиды становилось опаснѣе, и мы трепетали при мысли, что она скончается, не дождавшись отвѣта. Наконецъ, къ немалому удивленію, услышали однажды, что Графиня де Солано, вышедъ изъ кареты на монастырскомъ дворѣ; спрашивала, гдѣ можетъ увидѣть свою дочь. Въ эту минуту Игуменья, Маркизова мать, я и многія монахини, сколько ихъ могла вмѣстить комната, стоя на колѣняхъ и проливая слезы, моли-

лись вокругъ постели, умиравшей, Аделаиды.“

„Графиня была введена. Я, вставши, подошла къ ней и, отведши ее въ сторону, просила ничего не говорить въ теперешнія минуты, въ которыя не ожиданное ея присутствіе можетъ причинить послѣдній ударъ ея дочерѣ; потому что она, какъ казалось, находилась при послѣднемъ часѣ своей жизни.“

„Она тихо и съ видомъ гордымъ подходила къ Аделаидиной постелѣ. Однако жъ въ чертахъ ея лица примѣтенъ былъ нѣкоторой страхъ; хотя первой взглядъ, которой она бросила на её, и выражалъ суровость и даже отчасти безчеловѣчіе; но какъ скоро увидѣла

она блѣдность и смертной сонъ, покрывавшій чело; увидѣла, сомкнувшіяся, вѣки своей злополучной дочери; то ужасъ вдругъ овладѣлъ ею, и она не могла удержаться, чтобы не закричать: „Бѣдная дочь моя!“ .... Потомъ, отвратя лице, смотрѣла на стоявшую на колѣняхъ у ея постели группу въ черномъ платьѣ и рыдавшую. Сей видъ, столь горестной произвелъ въ ея сердцѣ движеніе чувствительности; она заплакала, при всѣхъ усиліяхъ удержать слезы.“

„Аделаида была еще въ чувствѣ. Она открыла глаза при, сдѣланномъ ея матерью, восклицаніи; увидѣла ее и тотчасъ узнала; она усиливалась поднять голову, однако жъ на-

прасно; потомъ съ примѣрнымъ восторгомъ и томнымъ погасающимъ голосомъ произнесла: „матушка!... Простите!“... Она не могла договорить. Тутъ нѣсколькими каплями приличнаго питья подкрѣпили въ ней силы. Графиня, смягченная наконецъ ужаснымъ положеніемъ единственной своей дочери, подошла ближе къ ея кровати; Маркизъ въ высочайшей степени горести - находился поодаль съ Маркизой, своею матерью; онъ столькожѳ чувствительно трогалъ меня, сколько и сама Аделаида. Игуменья приказала монахинямъ - удалиться. „Любезная маминька!“ сказала изнемогавшая Аделаида, „простите меня въ той скорби, которую я нанесла вамъ и

сжальтесь надъ моею дочерью! . . ," — „Я прощаю тебя, дочь моя!" отвѣчала Графиня съ сердечнымъ сокрушеніемъ; „да проститъ такъ же и небо твой поступокъ, а намъ всѣ, причиненныя тебѣ, мученія! Не безпокойся о своемъ дитятѣ. Отецъ твой, пронятый нещастнымъ твоимъ положеніемъ, и вѣря искренности чувствованій, которыя ты изъявила въ послѣднемъ письмѣ своемъ, принялъ снисходительно твою просьбу, прощая твоей вѣтренности и неприличному прежнему поведенію; онъ обѣщалъ даже, въ случаѣ, естьли не перенесешь своей болѣзни, укрѣпить половину наслѣдства за твоею дочерью." Здѣсь Графиня оста-

норилась; глаза ея устремились на блѣдное лице Аделаиды, которая показывала всѣ признаки, приближавшейся, смерти. Она не могла болѣе владѣть своимъ сердцемъ; завѣса жестокой суровости разторглась, и въ Графинѣ Солано обнаружилась мать, чувствительная мать во всей натуральности; среди слезъ и рыданій она обвиняла себя въ непомѣрной строгости, бывшей причиною тѣхъ бѣдствій, которыхъ жертвою сдѣлалась ея милая, единственная дочь."

„Я чувствую," сказала Аделаида, „что проживу только нѣсколько минутъ въ здѣшнемъ плачевномъ мірѣ. Выслушайте мое послѣднее горячее желаніе! Окрестите теперь же

мою дочь, и дайте ей имена любезныхъ мнѣ особъ: первое, почтенной и достойной Игуменьи этого монастыря, которую зовутъ, какъ и меня, *Аделаидою;* ваше, любезная *Палмира!* моя нѣжная безцѣнная подруга, о которой воспоминаніе беру съ собою за предѣлы гроба. Мой милой супругъ, Палмира была лучшимъ моимъ другомъ; помни изъ любви ко мнѣ, изъ уваженія къ священной дружбѣ моей съ нею, что, умирающая, твоя Аделаида тебѣ рекомендуетъ ее особенно, чтобы ты во всю жизнь хранилъ къ ней самую горячую преданность; она того достойна; — третье *Розалію*. Васъ, почтеннѣйшая моя родительница, и васъ Маркиза

Сентъ - Веральти, униженно прошу согласиться назвать милую дочь мою: *Аделаидою. — Палмирою, — Розаліею!*"

„Желаніе Аделаидино тотъ же часъ было исполнено; призвали пастора, которой и окрестилъ младенца, нарекши его тѣми и онами, которыя выбрала умирающая мать. Его поднесли къ ней; она прижимала его къ груди своей и говорила, что желала бы умереть въ семъ положеніи. Потомъ поворотила голову ко мнѣ: „милая Палмира!" сказала она, „естьли не вовсе посвятите себя монастырской жизни, какъ надѣюсь, и естьли возвратитесь въ свѣтъ; то, изъ любви къ нещастному другу вашему, дайте согласіе быть

вмѣсто матери бѣдной моей дочери: я умерла бы спокойно, когда бъ вы мнѣ это обѣщали.“ Тутъ начались первыя съ нею конвульсіи; я внѣ себя отъ горести упала на ея подушку: но, образумившись нѣсколько, она сама сдала мнѣ на руки своего младенца. Я спросила ее, не уже ли она повѣряетъ его предпочтительнѣе мнѣ, нежели Графинѣ своей матерѣ, или другой какъ особѣ?“ „Такъ, мой возлюбленной, мой совершенной другъ!“ произнесла она чрезвычайно слабымъ и прерывавшимся голосомъ, „такъ .... вашей предпочтительно нѣжности .... я .... ее .... вѣряю .... вы .... располагайте .... ея участію .... по своей волѣ .... согласно съ

ея щастіемъ .... Дружба, какую имѣли вы къ ея матерѣ .... будетъ васъ къ ней . . . привязывать, естьли . . . . оставите . . . . мысль . . . . о монашескомъ покрывалѣ."

„Маркиза обѣщала ей съ своей стороны прилагать о младенцѣ материнскія попеченія, естьли я останусь провести жизнь въ монастырѣ. — „Теперь я щастлива, оставляя дочь мою .... въ рукахъ .... лучшихъ моихъ друзей!" — Увидѣвъ, что мужъ ея горько плакалъ и рвался, она протянула къ нему руку и сказала: „Мой дражайшій супругъ! . . . . успокой . . . свое сердце . . . . и подумай о милой нашей дочери! . . . . Ахъ! . . . наше щастіе . . .

не долго . . . продолжалось! . . . но Всемогущій . . . . совершилъ наши . . . первыя желанія . . . Я умираю . . . . твоею супругою ! . . . “ Болѣе не могла она произнести ни слова ; посмотрѣла по порядку на мать , на Маркизу , на Игуменью ; потомъ, оборотившись опять къ супругу , тяжело вздохнула и впала въ конвульсіи ; чрезъ нѣсколько минутъ взоръ ея устремился на младенца ; она пролѣпетала что-то . . . . думаю, послѣднее прости . . . , и тутъ кроткая и чистая душа ея отлетѣла въ вѣчное блаженство , оставя всѣмъ намъ безмолвный и бездыханный памятникъ скорьби и горести.“

„Не возможно изобразить вамъ, любезная Миссъ, што, что представилось глазамъ моимъ въ ту минуту, какъ кончила жизнь свою злополучная Аделаида. Не въ силахъ я удержаться отъ слезъ, когда только вспомню объ отчаяніи безутѣшнаго Маркиза и Графини Солано, которая ломала руки и рвала на себѣ волосы, воображая всю свою жестокость, единственную причину бѣдственной и преждевременной смерти ея дочери. — Всеобщая горесть умножала еще болѣе ея мученія, что бы дожидаться выноса, она осталась въ ближнемъ монастырскомъ домѣ.“

„Маркиза и мать его почти насильно отлучили отъ постели обожаемой, бездыхан-

ной супруги и нѣжно любимой невѣстки; они заняли покои, очищенные, по приказу Игуменьи, для ея сестры, съ ними была и маленькая Аделаида."

„Наступилъ день выноса. Мы собрались въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ съ вышитыми на немъ серебреными слезами; Аделаида лежала въ самомъ лучшемъ ея платьѣ, на великолѣпномъ одрѣ, во кругъ котораго горѣло множество свѣчь. Двѣнадцать монахинь, стоя на колѣняхъ, молились о усопшей. Съ растерзаннымъ сердцемъ и слезами смотрѣли мы на умершую; ея страданія, казалось, не перемѣнили у ней лица; по крайней мѣрѣ, оно получило прежній видъ со времени смерти; ибо же Ангель-

екія черты, которыми поразилъ меня порпретъ въ коробочкѣ Маркизовой, и въ которыхъ изображалась кротость и чистосердечіе; но румяныя уста и розовыя щеки покрыли темно-багровая краска и смертная блѣдность . . . . По совершеніи обряда и послѣдняго прощанія, положили ее во гробъ, и монахини отнесли оной къ мѣсту возлѣ церковнаго крылоса, куда шли за нею: отчаянный Маркизъ и мать его, Графиня Солано, Игуменья, настоятельница, я и всѣ монахини и послушницы. Ни при какихъ похоронахъ не было, думаю, такого плача, такого благоговѣйнаго моленія, и наконецъ столь трогательнаго зрѣлища, когда Маркизъ увидѣлъ опусканіе въ

могилу своей любезной и обожаемой Аделаиды. Онъ бросился къ гробу, называлъ ее нѣжнѣйшими именами, и рыданія его терзали сердце всякаго. Съ великимъ трудомъ Маркиза и Игуменья могла отвлечь его отъ праха, самой страстной и самой добродѣтельной изъ супругъ; мы омочили его нашими слезами и возвратились въ томъ же порядкѣ, въ какомъ и пришли."

„Маркизъ опасно занемогъ, по чему Игуменья принуждена была уступить ему Аделаидину комнату до его выздоровленія. Но мое сердце жестоко страдало при видѣ тоски, какой онъ былъ жертвою; естьли я искренно и оплакивала ту, которая удостоила меня своей

дружбы; то скорбь моя, признаюсь, имѣла болѣе направленія къ болѣзни Маркизовой; и ежели плачевной конецъ Аделаиды — имѣлъ великое участіе въ моихъ чувствованіяхъ; то непреодолимая склонность къ сему любезному молодому человѣку производила то, что мученіе, видѣть его страданія, брало верхъ надъ сѣтованіемъ о достойной моей подругѣ."

„Болѣзнь Маркизова остановила госпожу Сентъ-Бераль ти, которая рѣшилась не покидать своего сына въ столь печальномъ состояніи. Она стала искать для своей внуки кормилицу, съ тѣмъ, что бы послѣдняя согласилась ѣхать съ нею въ Италію; упросивъ меня отпустить съ нею любезную и

несчастную маленькую Аделаиду и увѣривъ, что всячески будетъ о ней стараться; она не замѣдлила нанять такую кормилицу по ея собственному выбору."

„Графиня Солано оставила монастырь на другой же день послѣ похоронъ ея дочери, не принявъ большаго участія ни въ судьбѣ маленькой Аделаиды, ни въ положеніи зятя."

„Маркизъ всё еще былъ боленъ. Вмѣсто самаго веселаго и забавнаго, что составляло любезность его характера, онъ сдѣлался угрюмъ и задумчивъ и не переставалъ печалиться."

„Послѣ Аделаидиной смерти Маркиза Сентъ-Беральди искала коротkаго со мною знакомства, и находила удовольствіе

въ обхожденіи со мною. Когда я открылась о себѣ, что была единственная дочь Графа де Монтальда; то она удивилась и сказала, что много слышала обо мнѣ отъ ея племянницы Розаліи, которой очень вѣритъ; и послѣ всего этого не сомнѣвается, что свѣтское общество лишится одного изъ лучшихъ своихъ украшеній, естьли я навсегда посвящу себя уединенію: съ того времени взаимное другъ къ другу почтеніе отчуждило отъ насъ всякую недовѣрчивость и наши свиданія сдѣлались дружественнѣе и чаще. Она охуждала странную мою привязанность къ монастырской жизни, въ намѣреніи отвесть меня отъ оной; но не спрашивала о при-

янахъ, заставившихъ меня рѣшиться на то, что, по ея словамъ, не сходно было ни съ моимъ характеромъ, ни съ моимъ состояніемъ и званіемъ. Я отвѣчала, что совершенно увѣрена въ справедливости ея замѣчаній; но стремленіе моего сердца не позволяло слѣдовать тому, что предписывали мнѣ свѣтская должность и честь. Она была такъ осторожна, что не стала вникать въ смыслъ послѣднихъ словъ; но изъявила желаніе быть при церемоніи, съ совершеніемъ которой, повторила она, лишится свѣтъ самаго лучшаго своего украшенія.“

„Въ сію минуту принесли мнѣ платье и прочую къ нему принадлежность; оно было бо-

платье всѣхъ, какія я когда нибудь имѣла. Маркиза просила, чтобъ я его примѣрила; въ угодность сей дамы я одѣлась, и притомъ старалась показать, что знаю весь порядокъ, наблюдаемой при церемоніи. Мысль, что такое великолѣпное и съ такимъ вкусомъ сдѣланное платье назначено было украшать меня только однажды и въ послѣдній разъ, а потомъ тотчасъ должно быть заменѣно грубымъ шерстянымъ и жесткою волосяницею, заставили ее вздохнуть; на глазахъ ея навернулись слезы, и она, послѣ многихъ и неотступныхъ просьбъ, убѣдила меня отложить на нѣсколько мѣсяцовъ мое посвященіе. При всемъ томъ я не велѣла останавливать приготов-

вленій; украшеніе церкви и крыласа продолжалось, и сестры не досадовали на такую отсрочку, въ которую имѣли время приготовить для себя приличныя одѣянія, какъ требовалъ торжественной и священной обрядъ.“

„По томъ она просила проводить себя до покоевъ ея сына. „Вы, и ваше обращеніе,“ говорила она, „могутъ разсѣять его жестокую тоску. Онъ безпрестанно твердитъ, что единственная его надежда — скоро соединиться съ его любезною Аделаидою въ одной могилѣ. Я мать его, онъ у меня одинъ; сердце мое замираетъ, когда воображу, что могу его потерять; да и положеніе его заставляетъ страшиться сихъ

словъ. . . Нынѣче въ первой разъ онъ спросилъ о почтенной подругѣ Аделаиды, подругѣ, которую она такъ любила. Это подаетъ надежду, что вы доставите ему нѣкоторое утѣшеніе. Помогите, сдѣлать милость, удалить бѣдствіе, которое наноситъ ужасъ и — скорбь стѣсненному моему сердцу!“

„Я пришла въ крайнее замѣшательство отъ такой просьбы; хотѣла отговориться; но не находила никакого основательнаго предлога. До сихъ поръ никто не зналъ тайны моего сердца; я надѣялась ее скрыть отъ всѣхъ и навсегда. Однако жъ не могла не удовлетворить желанію Маркизы, несмотря на то, что должна

была перенесть отъ взглядовъ и благодарности мущины, которыхъ столько убѣгать желала.“

„Душевное разстройство Маркизово не показалось мнѣ такъ опаснымъ, какъ было о немъ сказано; но онъ былъ чрезвычайно слабъ и худъ. Онъ принялъ меня весьма почтительно и старался оказывать мнѣ угожденіе; по тому что не видалъ меня съ самыхъ похоронъ Аделаиды. „Я привела съ собою молодую твою знакомку,“ сказала Маркиза своему сыну; „она собралась навсегда удалиться отъ людей: только по моей просьбѣ согласилась отсрочить свое вступленіе въ монашеской чинъ, которое конечно лишило бы насъ такой

любезной подруги. Надѣюсь, дорогой мой сынъ, что ея пріятная компанія разгонитъ твою грусть."

„Какъ я вамъ, сударыня, обязанъ!" сказалъ Маркизъ, оборотясь ко мнѣ, „за тѣ старанія, которыя вы прилагали, по вашей дружбѣ, о моей Аделаидѣ! . . . Могу ли когда ни будь довольно вамъ отблагодарить за такія одолженія! . . ."

„Мы сѣли. Маркиза выхваляла меня своему сыну; но я, что бы отвлечь отъ себя вниманіе Маркиза, обратила разговоръ на участь ея внуки. Онъ слушалъ меня съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Вдругъ всталъ, и, какъ бы пораженной удивленіемъ! „Боже мой!" вскричалъ онъ, смотря на меня съ замѣша-

нiельствомъ, „или я обманываюсь? Простите, сударыня! голосъ вашъ кажется мнѣ знакомъ.“ — „Вы узнаете Палмиру Монтальдъ, Синьîоръ!“ сказала я, приподнявъ покрывало. — „О небо! воображалъ ли я?“ вскричалъ онъ опять съ удивленiемъ. „Кто думалъ найти васъ въ такомъ дальнемъ монастырѣ?... Позвольте Синьîора предложить вамъ нѣсколько вопросовъ: Давно ли вы здѣсь?“ — „Шесть мѣсяцовъ, Синьîоръ.“ — „Сюда ли приѣхали вы, какъ оставили Плачензу?“ — „Сюда, Синьîоръ?“ — „Для чего жъ не увѣдомили моей сестры Розалiи о мѣстѣ вашего уединенiя? Она не однократно мнѣ жаловалась, что вы измѣнили вашей дружбѣ, упавъ отъ нея въ семъ послѣднемъ

случаѣ ваше намѣреніе.“ -- „Знаю, Синьóръ, что мой поступокъ, хотя онъ очень тягостенъ моему сердцу, поступокъ, какой употребила я, удаляясь отъ любезной Розаліи, долженъ былъ удивить ее и даже заставить упрекать меня въ неблагодарности; но я имѣла важныя причины никому не открывать своихъ намѣреній. Послѣ я раскаялась, что ихъ отъ нея скрыла; потому что жестоко была наказана за недовѣрчивость къ той, которая была мнѣ подругою въ дѣтскихъ лѣтахъ, и съ которою раздѣляла всѣ невинныя забавы. Розалія, милая моя Розалія, никогда не была мною забываема!“ — „Надѣюсь, что вы счастливы, Синьóра?“ — „Счастлива Синь-

хорѣ . . . . столько, сколько можетъ позволить мое положеніе; хотя душевно я рѣшилась, однако чувствую иногда нѣкоторую печаль, находясь въ разлукѣ съ родными и друзьями.“ — „Для васъ, говорятъ, дѣлаются приготовленія въ церквѣ?“ . . . Я поклонилась . . . „Но вѣрно, Синьюра, вы не совсѣмъ еще рѣшились быть монахинею?“ — „Напротивъ . . . . я . . . . надѣюсь, что не перемѣню своего твердаго намѣренія.“ — „Розалія очень опечалится; когда васъ лишится, и всѣ друзья ваши будутъ чрезвычайно огорчены. Что жъ принадлежитъ до меня; то я желаю, очень желаю, что бъ вы вовсе оставили такую мысль; удовольствіе быть иногда вмѣстѣ съ

особою вашихъ достоинствъ, съ почтенною подругою моей Аделаиды. . .“ — „О! ничто не можетъ ее тронуть,“ перебила Маркиза. „Я ее уговаривала; все безполезно, она рѣшилась; приготовленія приходятъ къ концу; я видѣла весь нарядъ, въ какомъ должна она будетъ стоять въ продолженіе церемоніи; нѣтъ ничего прекраснѣе его; свадебное платье Принцессы не бываетъ такъ пышно и такъ богато . . . . . а для чего? Что бы проститься со свѣтомъ и на вѣкъ запереться въ монастырь! . . . (оборотясь ко мнѣ) Любезная, молодая пріятельница! Я чувствую, что не могу безъ опасности быть при совершеніи вашихъ обѣтовъ; сдѣлайте одолженіе, одѣньтесь такъ,

какъ вы одѣнитесь въ этотъ несчастной день, что бы еще однажды насладиться мнѣ удовольствіемъ, видѣть васъ въ такомъ платьѣ, которое такъ хорошо пристало къ вашему лицу!“ Я хотѣла извиниться; она просила неотступно; а Маркизъ помогалъ своей матерѣ, увѣряя при томъ, что снисходительность на просьбы должна быть самымъ легкимъ испытаніемъ послушницы. Я отвѣчала, что не въ состояніи отказать такимъ людямъ, каковы они; изъ послушанія къ нимъ иду одѣться, и вышла изъ комнаты.“

„Разговоръ съ Маркизомъ произвелъ во мнѣ сильное безпокойство. Досадуя, что противъ воли принуждена была

показаться передъ нимъ со всѣми преимуществами, я думала отговариваться; но неотступныя просьбы Маркизы были такъ убѣдительны, что я не сочла за нужное нарушать повиновенія, и-потъ часъ одѣлась."

„Съ трепещущимъ сердцемъ, съ сильнымъ волненіемъ въ душѣ вошла въ комнату Маркизы. Какъ скоро сынъ ея меня увидѣлъ; то всталъ и подошелъ ко мнѣ съ почтеніемъ и удивленіемъ; по томъ, взявъ за руку, подвелъ къ своей матерѣ, которая вмѣстѣ съ нимъ начала говорить самыя лестныя привѣтствія, намѣкая при томъ, сколь было неприлично мое хотѣніе, скрыть въ монастырѣ столько кра-

сотъ, пріятностей и любезности. (такъ они изъяснялись) Я просила ихъ неподрывать моей рѣшительности, и такъ уже не очень надежной отъ печали, что оставляю на вѣкъ моихъ друзей, а особливо дорогую и любезную Розалію, которой сообщала самыя пріятныя мечты, которыми наслаждалась весьма недолгое время. . . „Должно," примолвила я со вздохомъ и потупивъ глаза, „должно забыть того, кто ихъ поселилъ! . . . Но скажите отъ меня Розаліи, скажите, что Палмира навсегда разлучается съ своимъ другомъ. Когда вздумаете возвратиться въ Италію; я буду просить васъ, доставить ей небольшой подарокъ и пись-

мо, въ которомъ изъясню причины, принудившія меня оставить свѣтъ."

„Изъ пустыхъ разговоровъ часто выходятъ важныя послѣдствія; Маркиза, видя непомѣрную скорбь своего сына, всячески старалась ее ослаблять; съ такимъ то, безъ сомнѣнія, намѣреніемъ и просила меня показаться ея сыну въ нарядномъ платьѣ; не зная тайныхъ моихъ чувствованій и представляя себѣ, что этотъ поступокъ будетъ для него простымъ развлеченіемъ, она причинила мнѣ самое жестокое мученіе, подавъ случай Маркизу пробудить въ моемъ сердцѣ, не совсѣмъ еще утихшую, страсть; онъ усильно склонялъ меня оставить мона-

стырь. „Юная и прекрасная Палмира!“ продолжалъ онъ, „монастыри служатъ пристанищемъ только для несчастныхъ старухъ, пережившихъ своихъ родственниковъ и друзей и оставленныхъ людьми; при томъ же въ коротпкое время, которое остается имъ прожить, какъ часто принуждены бываютъ онѣ жалѣть о потерянной свободѣ, или мучиться тѣмъ, что сами по доброй волѣ оной лишились! Какъ ошибаются тѣ жалкія любовницы, которыя думаютъ забыть въ монастырѣ идола своего сердца! Любви, прелестная Палмира, любви никогда не преодолѣютъ монастырскіе уставы! Она подобна совѣсти, ни что не можетъ ее истребить; всё ей подвластно и всё

ей покорствуетъ. — Она владычествуетъ при великолѣпныхъ дворахъ такъ же, какъ и въ самыхъ убогихъ хижинахъ, и въ самомъ строгомъ уединеніи; и естьли управляетъ въ свѣтѣ какъ повелитель; то въ монастыряхъ властвуетъ какъ тиранъ."

„Между тѣмъ, какъ Маркизъ такъ говорилъ, я, потупя глаза, почти дрожала и не могла отвѣчать; столько то слова очаровательнаго голоса его имѣли власти надъ моимъ сердцемъ! . . . Я чувствовала ихъ справедливость, и мое замѣшательство и молчаніе ясно доказывали, что я съ нимъ была согласна."

„Мать его, которой всегда хотѣлось побѣдить мое

емѣшное упорство, употребила всѣ возможныя средства, извлечь меня изъ моего убѣжища. Потому ли, что она замѣшала мое замѣшательство; или что послѣднія слова сына внушили ей мысль продолжать развлекать его нашею бесѣдою; она сказала: „Теперь знаю, любезный сынъ, отъ чего такъ нравится уединеніе; тутъ кроется любовь, и наша пріятельница не хочетъ въ ней признаться: чего не достаетъ у ней, что могло бы ее привязывать къ общественной жизни. Чего желать знатной, единственной наслѣдницѣ славнаго дому Монпальдовъ, надѣленной всѣмъ отъ природы и счастія, любимой родителями, друзьями, уважаемой знакомыми? Мо-

жно ли было подумать, что она при такихъ выгодахъ вдругъ предпочтетъ суровость монастырскую свободѣ и изобилію, въ которыхъ воспитана, естьли бъ не безпокойная любовь ее принудила къ такой великой жертвѣ. Это видно изъ ея унынія, происходящаго отъ тайной страсти, которой противятся, или не сообщѣвствуютъ?“

„Не отвѣчая ни слова, я невольно упала въ кресла. Слова Маркизы напомнили мнѣ тѣ мысли, которыя противъ желанія часто приходили мнѣ въ голову; присутствіе Маркиза, его обхожденіе и вѣжное участіе, ускорили трепетаніе моего сердца; при всѣхъ моихъ усиліяхъ не могла я удержать-

ся отъ слезъ, и должна была наклониться, чтобъ ихъ скрыть.“

„Маркизъ, примѣтя ихъ, вскричалъ: „Боже мой! мы заставили васъ плакать?“ Тутъ тихонько намѣкнулъ онъ матерѣ о неприличныхъ ея словахъ и неосторожности; по томъ, подойдя ко мнѣ, упалъ на колѣни, взялъ мою руку и заклиналъ меня простить его съ матерью въ ихъ неумышленности, которая такъ была обидна.“

„Повѣрьте, чувствительная Синьора, что, говоря о любви, я совсѣмъ не думалъ такъ жестоко васъ огорчить: не желая испытывать тайны вашего сердца, я знаю всѣ мученія, какія можетъ произвесть напоминаніе о несчастной при-

вязанности. Не въ первой разъ вижу я слезы на глазахъ Палмиры. — Вспомните, что я желалъ развлечь вашу грусть; вы оскорбляетесь, помышляя, что я постигъ причину!" . . . Тутъ я хотѣла остановить Маркиза, боясь, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ не дознался до истины; но онъ, пожимая съ горячностію мою руку, продолжалъ: „Для дружбы, которую съ вашего дѣтства имѣете къ Розаліи; для дружбы, которою такъ были вы соединены съ моею Аделаидою и которую столько вы доказали въ послѣднія минуты ея жизни, — могу ли надѣяться вашей довѣренности и открытія причинъ, понудившихъ васъ такъ уединиться?"

Изъ чего вы толкуете
такъ много, тебе спрашивать

„ — „Ахъ! эшо жертва ...“ Отвѣчала я со вздохомъ и закрывши лице своимъ платкомъ. Маркизъ всталъ, сѣлъ возлѣ меня, такъ какъ и мать его, которая упрекала себя, что меня опечалила. Сердце мое было такъ стѣснено, что я не могла говорить.“

„ — „По такой жертвѣ,“ началъ онъ опять, запинаясь, „надобно предполагать, что ... вы ... лишились всей надежды; ... ! а я думаю, что ... одна только смерть ... можетъ ее похитить ... Смѣю ли спросить у вашей дружбы; ... не она ли ... предметъ ... вашихъ спраданій ?“

„ — „Нѣтъ,“ отвѣчала я, опечалясь такимъ вопросомъ.

— „Вамъ запрещаютъ имѣть связь?“

„ — „Нѣтъ! — Мои родители не знаютъ безумія своей дочери и причинъ, заставляющихъ ее убѣгать ихъ нѣжности и всѣхъ пріятностей привлекательнаго свѣта.“

„Мнѣ кажется, да я и увѣренъ; что наслѣдница Монтальда не можетъ одобрять привязанности, не достойной ея имени и званія; не льзя, чтобъ ваши родители оной не знали: конечно прекрасной дочери ихъ должны стараться нравиться такіе только любовники, которые умѣютъ цѣнить достоинство ея прелестей и всѣхъ добродѣтелей; а вы въ вашемъ выборѣ не могли поступить противъ ихъ ожиданія. Тотъ,

кого предпочитаетъ ваше сердце, вѣрно отличенъ отъ другихъ и по званію и по достоинствамъ; но, можетъ быть, своенравнымъ счастіемъ поставленъ ниже васъ; а гордость вашей фамиліи, безъ сомнѣнія, противится вашему щастію?“

„ — „Ахъ! нѣтъ,“ возразила я; „Этотъ отмѣнной молодой человѣкъ заслуживаетъ быть счастливымъ, да и подлинно былъ счастливъ. . . . Всѣ знакомые столько его любятъ, что я не могу слишкомъ порочить своей глупости, предпочтя его всякому другому, хотя и не имѣю той выгоды, что бы онъ соотвѣтствовалъ моимъ чувствованіямъ.“

„ — „Боже мой!“ вскричалъ Маркизъ, „можетъ ли быть

существо, столь не чувствительное къ вашимъ прелестямъ, или къ безцѣнной вашей любви!“

„ — „Ахъ, Синьёръ! этого не могу сказать. . . . И такъ не выведывайте отъ меня болѣе и не принуждайте измѣнить тайнѣ моего сердца. . . . Оставьте меня щитать себя счастливою, и не препятствуйте мнѣ проводить жизнь въ неизвѣстности; одной только этой милости прошу я у Бога!“

„ — „Нѣтъ, нѣтъ, прекрасная Палмира!“ возразилъ съ живостію Маркизъ; „вы ошибаетесь, мечтая о мнимомъ благополучіи, какое думаете найти въ уединеніи, когда сердце ваше заражено несчастною страстію: какъ бы ни было твердо ваше намѣреніе, какъ бы спокойно ни

ожидали вы роковой минуты, которая похититъ васъ навсегда отъ вашихъ родителей, вашихъ друзей и всѣхъ тѣхъ, которые вамъ, и которымъ вы любезны. — Подумайте, что этотъ злощастной день будетъ послѣднимъ днемъ вашего спокойствія. Сравните блистательное состояніе, опредѣленное вамъ судьбою, съ жалкою жизнію, въ какую въ минуты скорби и заблужденія хотите ввергнуть себя на вѣки! . . . О Палмира! великолѣпной нарядъ для сего печальнаго дня, повѣрьте, похожъ на позолоту пилюли, которая безъ ней содержитъ въ себѣ одну горечь и противность; какъ скоро волосяница и толстое сукно замѣнятъ богатство и красо-

му этого платья; какъ скоро уста ваша произнесутъ ужасной обѣтъ; — тотчасъ при каждомъ предметѣ, какой представится вашимъ глазамъ, раждаться будетъ страшное раскаяніе; самыя, ввѣренныя вамъ тайны отъ вашихъ подругъ, можетъ быть, отъ подобнаго же заблужденія несчастныхъ, станутъ ежеминутно напоминать вамъ о потеряхъ и увеличивать жестокость вашихъ мученій. — Размыслите Палмира! размыслите!"

— „Я размышляла, Синьоръ . . участь моя рѣшена; прошу васъ именемъ дружбы не колебать моего намѣренія. Счастіе, ахъ! Оно правда оставило Палмиру. Жить

здѣсь ли въ монастырѣ, или въ Плацензѣ, для меня все одно!“

— „Позвольте мнѣ, любезная Синіóра, какъ другу, поговорить съ вами, о предметѣ вашей нѣжности! — Изъ словъ вашихъ можно догадываться, что милой вамъ человѣкъ живъ, и не знаетъ о вашей страсти... Я отдалъ бы весь свѣтъ, естьли бъ это было въ моей власти, что бъ только видѣть васъ счастливою! . . .“

„Замѣшательство мое было чрезвычайно; ужасная борьба противныхъ чувствованій происходила въ моемъ сердцѣ. Я встала, прошла по комнатѣ, чтобы скрыть мои мученія отъ распросовъ о причинахъ моей скорби, дѣлаемыхъ мнѣ тѣмъ самимъ, кто былъ ея предме-

томъ; послѣ возвратясь на прежнее мѣсто:“

„Онъ живетъ,“ сказала я, „но, ахъ! не для меня . . . Однако жъ всѣ, которыя знаютъ его, увѣряютъ, что онъ нѣженъ сердцемъ; тогда только Палмира можетъ спаться не будетъ изключена. . . . . О Боже! Я предаюсь Тебѣ навсегда! . . . Простри ко мнѣ помощъ Твою — истребить всѣ сіи мысли! . . . Къ Тебѣ единому пусть будутъ стремишься мои помышленія! . . . Содѣлай, что бы ничто, противное обѣтамъ служить Тебѣ въ семъ убѣжищѣ, не занимало души моей; но не лишай Твоихъ благословеній виновника всѣхъ моихъ страданій! . . . Да пошлетъ ему верховная воля Твоя такое ща-

стіе, какого онъ желаетъ! . . . Синьоръ, и вы, сударыня, знайте, что Палмира хочетъ научиться переносить бѣдствіе! Заклинаю васъ, какъ лучшихъ моихъ друзей, не говорить никогда, что теперь происходило между нами; пусть не знаетъ и Розалія, что вамъ извѣстна тайна, похитившая спокойствіе моего сердца: съ этой минуты я буду стараться объ немъ не думать; вы меня весьма обяжете, естьли перемѣните разговоръ; мнѣ очень больно, что онъ вышелъ столь важенъ!"

„Звонъ колокола къ вечернѣ прекратилъ, къ моему удовольствію, нашу бесѣду; я, откланявшись Маркизѣ и сыну ея, побѣжала перемѣнить

платье, чтобъ пойти съ монахинями въ церковь."

„Чрезъ нѣсколько дней поставили памятникъ на могилѣ Аделаиды. Онъ былъ простъ: пирамида изъ чернаго гранита, съ алебастровою на ней урною, до половины закрытою покрываломъ изъ того же камня; при основаніи была высѣчена слѣдующая простая надпись:"

СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ

АДЕЛАИДЫ,

супруги Себастіана Сен-Бералъти,

Имѣвшей девятнадцать лѣтъ.

„Какъ скоро памятникъ былъ поставленъ и освященъ; то Маркизъ, пришедши въ пріемную, велѣлъ сказать, что желаетъ со мною говорить . .

Я тотчасъ вышла, и онъ изъ-
яснился слѣдующимъ образомъ:“

„Синьóра, я пришелъ съ вами проститься и васъ по благодаритъ за все ваше усердіе. Позвольте опять съ вами увидѣться, когда ворочусь изъ-путешествія, въ которое отправляюсь для развлеченія моей тоски. Я оставляю здѣсь матушку; она желаетъ провести это время съ вами; потомъ приѣду за нею. Примите для воспоминанія объ Аделаидѣ и обо мнѣ этотъ перстень (онъ былъ дорогой цѣны и со вложенными волосами, я его приняла). Съ тѣхъ поръ, какъ не стало моей Аделаиды, не обходимо сдѣлалось для моего спокойствія и здоровья разсѣяніе. Да сопутствуетъ вамъ

въ подвигѣ вашемъ благословеніе небесъ! Ахъ! и такъ всѣ прелести, которыми обладаете, навсегда похищены . . . отъ свѣта! Но естьли вы счастливы, этого довольно: ваше благополучіе, гдѣ бы Провидѣніе васъ ни поставило, всегда будетъ пріятно моему сердцу, и я никогда не забуду, какою обязанъ вамъ признательностію."

„Я поблагодарила его за такія желанія; вручила ему письмо къ Розаліи съ нѣкоторыми монастырскими подарками, которые прежде я просила ей доставить, и онъ тутъ же простился со мною и съ монастыремъ."

Наступала ночь, Графиня прекратила свое повѣствованіе

и мы, оставивъ ее, пошли спать.

ГЛАВА VII.

На другой день поутру пришла я къ Графинѣ, когда она встала; тутъ приказано было подать завтракъ; а какъ его кончили; то она стала продолжать свою исторію.

„Можетъ быть, вы назовете меня своенравною, либо легкомысленною, когда скажу, что намѣреніе сдѣлаться монахинею оставила я въ ту жъ минуту, какъ съ Маркизомъ проспилась; мнѣ такъ стало грусно, и я почувствовала сильное въ себѣ желаніе возвратиться на мою родину; я была въ край-

немъ недоумѣніи, не зная, какую представить причину Игуменьѣ и моимъ подругамъ такой внезапной перемѣны. Не смотря на то, приказала отмѣнить приготовленія, и тотчасъ отправила къ батюшкѣ нарочнаго, написавъ, что, такъ какъ монастырская жизнь довольно разстроила мое здоровье, вѣрю теперь, что обманывалась; и по этому самому желаю возвратиться къ нему и къ матушкѣ, которые и увидятъ меня въ теченіе одного мѣсяца."

„Естьли бы Аделаида была еще жива; то со мною не послѣдовало бы такой перемѣны; но благоговѣніе, какое я почувствовала къ послѣднимъ желаніямъ сей нѣжной и почтенной

подруги ; любовь и заботы, которыми была обязана къ ея дочерѣ ; тоска , что оставила навсегда своихъ родителей, друзей , знакомыхъ ; все это въ соединеніи со множествомъ другихъ размышленій, производимыхъ воспоминаніемъ о любезномъ Маркизѣ, причиняли въ умѣ моемъ безпрестанное волненіе и мучительное безпокойство, продолжавшіяся до самаго отъѣзда моего изъ сего убѣжища, гдѣ предполагала я обрести спокойствіе.“

„Игуменья употребила всѣ средства помирить меня съ монашескою жизнію ; но не могла преодолѣть моего желанія ; и такъ я оставила монастырь Святой Агнесы , гдѣ пользовалась всякаго рода угожденіями

и дружбою, и гдѣ блѣснулъ для меня первой лучь благополучія, чувствуя вмѣстѣ и сожалѣніе и удовольствіе, которыхъ не могу выразить; я плакала, прощаяся съ своими подругами.“

„За нѣсколько дней до моего отъѣзда, Маркиза, получивъ чрезъ нарочнаго извѣстіе, что ея мужъ очень боленъ, оставила насъ не ожиданно. Я досадовала, что не рѣшилась на это раньше; по крайней мѣрѣ проѣхала бы съ ней большую часть дороги. Она такъ спѣшила, что даже не увѣдомила объ этомъ и сына, отправившагося къ Пиринейскимъ горамъ, и должна была взять съ собою только маленькую Аделаиду и кормилицу; пропустя сей слу-

чай, я принуждена была поѣхать одна."

„Когда почталіонъ привезъ меня къ Альпійскимъ горамъ; то мысль объ опасномъ переѣздѣ поразила духъ мой не вольнымъ страхомъ, которой однако жъ скоро разсѣялся при встрѣчѣ живописныхъ, до безконечности разнообразныхъ видовъ; съ каждымъ днемъ являлось новое для моего удивленія. Будучи меньше печальна, нежели тогда, какъ проѣзжала въ первой разъ чрезъ сіи горы, я могла дать нѣкоторую свободу своему любопытству, и смѣю васъ увѣрить, что чувствовала величайшее наслажденіе, смотря на чудесныя и разнообразныя красоты сихъ удивительныхъ странъ."

„Повозка моя подѣхала къ самой подошвѣ горы Ценисъ, какъ вдругъ выстрѣлъ изъ пушки неожиданно меня встревожилъ. Я спросила почталіона, „что это значитъ?“ Онъ отвѣчалъ, что это сигналъ для проѣзжающихъ, которымъ извѣщаютъ о наступавшей грозѣ и опасности быть въ такое время на горахъ. — Приказавъ остановиться, я вышла изъ повозки посмотрѣть на небо; казалось, что мы могли еще продолжать нашъ путь; почталіонъ увѣрялъ о противномъ; и между тѣмъ, какъ мы спорили, чрезъ нѣсколько минутъ изъ собравшейся на вершинѣ горы, страшной тучи полился на насъ дождикъ и заставилъ искать убѣжища. — Мы увидѣли въ разстоя-

ній нѣсколькихъ саженъ небольшой домикъ, или лучше сказать хижину, къ которой и поворотили. Это было жилище бѣднаго старика, отдѣленное отъ прочихъ, котораго дверь отворялась для всѣхъ, желающихъ отдохнуть. Сей почтенной человѣкъ насъ принялъ съ истинно гостепріимнымъ расположеніемъ, униженно извиняясь, что, для укрытія насъ отъ грозы, могъ предложить только одну комнату и при томъ такую, которую занималъ уже одинъ проѣзжій Дворянинъ, остановившійся по той же причинѣ. Старикъ говорилъ правду; потому что первая комната почти не имѣла крышки."

„Я поклонилась, входя въ комнату; Дворянинъ въ шрауръ тотчасъ всталъ и отвѣчалъ тѣмъ же на мое привѣтствіе: но какъ я изумилась, увидя въ немъ Маркиза Сенти-Беральти! Я сдѣлала движеніе, что бы отступить назадъ; но онъ, ухвативъ меня за руку, сказалъ.“ „Дорогая Пальмира! Вы, которой я обязанъ всѣмъ, возможно ли, что бы васъ такъ встрѣвожилъ несчастной мужчина? Позвольте пригласить васъ, успокоиться; гроза, кажется, продолжится!“ Я сѣла на старую скамью, которая была только одна въ этомъ смиренномъ жилищѣ. „Я странствовалъ по Пиринейскимъ горамъ,“ продолжалъ онъ, „но нигдѣ не нашелъ желаемаго раз-

влеченія; рѣшившись возвратиться въ Италію, заѣзжалъ въ Монастырь святой Агнесы, проститься съ моею теткою, съ вами, поклониться праху Аделаиды и взять съ собой машушку; но весьма удивился, услышa, что она отправилась вскорѣ послѣ меня, и вы такжe рѣшились возвратиться къ вашимъ родителямъ. И такъ я поспѣшилъ оттуда, въ надеждѣ съ вами встрѣтиться и позаботиться о вашей безопасности при страшномъ переѣздѣ чрезъ сіи горы. Ваши ласки и угожденія моей фамиліи, требуютъ такъ же предложить и вамъ, что въ моихъ силахъ. Такъ какъ вы одни; то позвольте имѣть честь ѣхать съ вами!' Я съ благодарностію

приняла его предложеніе, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, что бы это не составило для него большаго безпокойства.“

„Гроза продолжалась довольно долго: дождь былъ проливной, и нельзя было проѣзжать чрезъ горы. Наступила ночь; и дождь пошелъ еще сильнѣе; и какъ надлежало думать о томъ, гдѣ провести ночь; по тому что старикъ не имѣлъ для насъ постелей, и Маркизъ не совѣтовалъ путь оставаться. Онъ искалъ ихъ съ своимъ слугою въ ближнихъ домахъ: но не могъ найти ни одной; по тому что всѣ были заняты проѣзжими: его увѣряли, что негдѣ б л и ж е остановиться, какъ только въ Моданѣ, до которой около двухъ миль. Мар-

кизЪ воротился, просилъ проводить меня до ночлѣга; и, наградя привѣтливаго хозяина, довелъ мене до повозки; потомъ сѣлъ въ свою, и мы скоро пріѣхали въ Модану, гдѣ вошли въ самой лучшій тамошній трактиръ. Маркизъ велѣлъ приготовить мнѣ комнату, и я съ нимъ простилась, пожелавъ ему покойной ночи и надѣясь и сама провести ее такъ же; Но голова моя столько была занята происшествіями того дня, что я не могла заснуть ни на минуту."

„Поутру я почувствовала сильную простуду. Пришедши, во время завтрака, къ Маркизу, показалась ему такъ больна, что онъ просилъ меня лечь въ постелю, и не замѣдлилъ по-

слать за Докіпоромъ. Я отговаривалась и просила не безпокоиться. „Не напоминайте мнѣ о безпокойствѣ, любезная Синьйора!“ отвѣчалъ онъ; „если бъ вы были и не знакомы; то и тогда былъ бы я готовъ къ вашимъ услугамъ по своему долгу; но вы, кому я столько обязанъ! . . . Вы несравненная пріятельница! . . . .“

„Я вышла на нѣсколько часовъ, такъ какъ онъ, по видимому, желалъ этого сердечно. За обѣдомъ просила я отпустить меня, продолжать свой путь, хотя и была очень не здорова; потому что я желала поспѣть въ Сузу прежде, нежели сдѣлается мнѣ хуже; и тамъ, остановясь, написать къ машушкѣ о моемъ состояніи.

Я хотѣла такъ же отдѣлаться и отъ Маркиза въ тѣхъ мысляхъ, что не очень прилично продолжать съ нимъ дорогу. Въ сію минуту, вошедъ неожиданно почталіонъ, сказалъ мнѣ, что повозка совсѣмъ изломалась; а онъ самъ болѣнъ, и не можетъ везти меня дальше. Я начала было думать, что онъ сговорился съ Маркизомъ; но его опечаленной видъ увѣрилъ меня въ справедливости сихъ словъ. Маркизъ предложилъ занять половину его повозки, на что я и согласилась, не знавши, чѣмъ отговориться. Заплатя почталіону договорную цѣну, я дала ему сверхъ того на починку повозки и на заплату дней за восемь, которые совѣпо-

вала тамъ пробыть, для поправленія его здоровья. Онъ чувствительно благодарилъ и пожелалъ мнѣ счастливаго пути и всякаго благополучія."

„Оставя Модану, мы начали спускаться съ горы Ценисъ: дорога сдѣлалась чрезвычайно дурна и опасна, и ѣхать почти было не возможно. Неудобства такъ были велики, что Маркизъ уговаривалъ воротиться въ прежній трактиръ и дождаться лучшаго времени; но мнѣ очень хотѣлось доѣхать до Сузы, и болѣе съ нимъ не быть; по чему я рѣшительно отъ того отказалась."

„Мнѣ стало тяжелѣе; однакожъ я всячески старалась это скрывать; усталость отъ продолжавшейся нѣсколько дней,

ѣзды по горамъ увеличила мое разстройство. Маркизъ очень безпокоился, видя, что я получила значительную лихорадку; но не хотѣлъ сего обнаружить, пока мы не пріѣхали на границу Италіи. Здѣсь, прибавя скорости, въ не продолжительномъ времени прибыли въ Сузу."

„Я вышла изъ повозки и чрезъ минуту, къ крайнему изумленію, увидѣла предъ собою Доктора, за которымъ и не думала еще посылать. Онъ велѣлъ мнѣ лечь въ постель, на что я и согласилась тѣмъ охотнѣе, что и сама была расположена къ этому, и обѣщалъ прислать лѣкарствъ, какихъ требовала моя болѣзнь."

Маркизъ чрезвычайно обо мнѣ заботился; онъ просилъ позволенія отвести меня въ отведенныя мнѣ, комнаты, гдѣ, по великодушному его попеченію, нашла я прислужницу, которая ждала свою больную, и которой была я поручена при самыхъ убѣдительныхъ просьбахъ."

„На другой день поутру мнѣ сдѣлалось еще хуже; не только мучила меня лихорадка, боль въ головѣ и горлѣ; но и мысль о не пристойномъ своемъ поступкѣ, чрезъ которой отдалась я нѣкоторымъ образомъ во власть Маркиза, допустивъ себя, быть ему одолженою за его старанія, заботы и великодушіе."

„Когда была я тревожима такими мыслями; вошла ко мнѣ служанка съ поклономъ отъ Маркиза и съ просьбою о позволеніи меня видѣть. Никого не надлежало бы мнѣ принимать; но какъ отказать Маркизу? . . . . Въ надеждѣ, что могу сдѣлать это при моей горничной, велѣла сказать, что хотя я и не въ состояніи оставить постели; но его приходъ ни мало меня не обеспокоитъ.“

„Онъ не замѣдлилъ явиться. Подойдя къ кровати, съ изъявленіемъ нѣжнѣйшаго сострадания, взялъ мою руку, ощупалъ пульсъ и, нашедъ, что лихорадка ни мало не уменьшалась, тяжело вздохнулъ, устремивъ глаза свои на мои. . . .

О! какъ пріятенъ, какъ восхитителенъ нѣжной взглядъ того, кого уважаемъ и любимъ! . . . . „Мнѣ очень больно, Синьîоръ!“ сказала я, „что я васъ такъ затрудняю; чувствую, сколько я одолжена вамъ въ нещастіи моемъ нещастіи, и не знаю, чѣмъ отблагодарить вашему великодушному попеченію и нѣжной заботливости обо мнѣ. — „Ахъ Синьîоръ!“ прервала моя горничная, „бѣдная Синьîора безпрестанно жалуется, что очень васъ тревожитъ.“ — „Пальмира!“ сказалъ Маркизъ, „вы усиливаете свою болѣзнь, помышляя о моихъ безпокойствахъ. Будьте увѣрены, что нѣтъ для меня другаго безпокойства, кромѣ нетерпѣнія, скорѣе увидѣть васъ здоро-

бою. Естьли бъ здѣсь находились ваши родители; то я съ завистію смотрѣлъ бы на ихъ объ васъ попеченія: тогда сердце мое лишилось бы прекраснаго случая заплатить хотя отчасти свой священной долгъ. И такъ успокойтесь, несравненная Пальмира! и вѣрьте, что почту себя счастливымъ, когда только успѣю своимъ вниманіемъ оказать вамъ какую нибудь услугу."

„Нѣжность и чистосердѣчіе, съ какимъ онъ изъяснялся въ своей ко мнѣ привержености, доставили мнѣ великое утѣшеніе въ тогдашнемъ моемъ состояніи. Я сказала, что хочу увѣдомить о себѣ матушку; но, будучи не въ силахъ писать, прошу пожало-

ѣать сдѣлать это съ моихъ словъ. Онъ согласился и потребовалъ чернилъ и бумаги.“

„Онъ еще не приготовился, какъ я пришла въ великое замѣшательство о томъ, какъ увѣдомить машушку; какъ открыться, что ѣду съ однимъ только Маркизомъ Сен — Беральди, и какъ объяснить ей, что такой случай сдѣлался не избѣжнымъ? Это казалось мнѣ крайне щекотливымъ и опаснымъ, и могло довести моихъ родителей до самыхъ невыгодныхъ заключеній, и лишить себя всей ихъ ко мнѣ довѣренности. Я сказала нѣсколько незначительныхъ словъ Маркизу, давъ ему замѣтить, что одобрю всё, что онъ ни напишетъ. Онъ началъ, и кон-

да уже готовъ былъ окончить, я тотчасъ отмѣнила свое намѣреніе, и просила всѣ замарать. „Въ самомъ дѣлѣ, Синьёръ! я очень опасаюсь испугать моихъ любезныхъ родителей, касательно моего здоровья; быть можетъ, и надѣюсь, что чрезъ нѣсколько дней поправлюсь, и буду въ состояніи даже васъ благодарить за великодушное ко мнѣ вниманіе.“

— „Очень хорошо,“ отвѣчалъ онъ такимъ тономъ, какъ будьто угадалъ мои мысли: „вы чувствуете себя лучше, любезная Палмира; и потому имѣете причину не встревоживать вашихъ родителей, когда это возможно....“ Увидѣвъ, что я нѣсколько утоми-

лась; онъ, пожелавъ мнѣ хорошаго сна, вышелъ изъ комнаты."

„Сердце мое прилѣпилось къ этому любезному человѣку еще болѣе, нежели когда нибудь прежде; думая о безцѣнныхъ его свойствахъ, вдавалась я въ жестокую горесть, и щитала несчастнымъ тотъ день, въ которой съ нимъ познакомилась. Я воображала, что нѣкая Вышняя Невидимая Сила управляетъ моею судьбою; потому что, рѣшась убѣгать и забывать того, кого, по извѣщенію отъ Розаліи, не могла любить счастливо, вездѣ однакожъ, гдѣ ни была, объ немъ слышала, или самъ онъ находился вмѣстѣ со мною. „Отправляюсь въ отдаленное убѣжище, что бъ

успокоить сердце," говорила я въ своей горести; „оставляю всё, что имѣю драгоцѣннаго на свѣтѣ: родителей, друзей, родину; пріѣзжаю туда, и кого жъ нахожу? Счастливаго кумира Маркизова, — ту, которая въ сердцѣ его занимаетъ мѣсто, столь для меня вожделѣнное; онъ является самъ, и его присутствіе лишаетъ меня душевнаго спокойствія. . . Убѣгаю памятника, ей воздвигнутаго. Чувствительность его сердца, искренность его чувствованій и достоинства той, которая владѣла, ахъ! очень не долго толь драгоцѣннымъ сокровищемъ . . . . Гроза принуждаетъ меня искать покрова; отыскиваю его, и подъ нимъ нахожу того, кого убѣгала,

о комъ даже воспоминаніе истребить желала. А мое худое положеніе заставляетъ меня, быть ему обязанною . . . . О счастливая Аделаида! вскричала я въ забвеніи, для чего я вмѣсто тебя не въ твоемъ мрачномъ и безмолвномъ жилищѣ! Ты въ жизни была любима самымъ лучшимъ мущиною; но ты умерла счастливою. . , Какое было бы мое блаженство, если-ли бъ я видѣла напередъ, что тотъ же самой мужчина, проводитъ прахъ мой до могилы и окропитъ ее слезами, узнавши, что я его любила, и любила безъ надежды! . . .“

„Я не воображала, что бъ меня слушали. — Маркизъ въ сію минуту сидѣлъ въ ближней ком-

натѣ, какъ послѣ мнѣ сказывалъ, и дожидался, пока я вспану; онъ глубоко былъ тронутъ откровеніемъ моихъ чувствованій; но не хотѣлъ того обнаружить изъ боязни, увеличить мою печаль. . . ."

„Чрезъ нѣсколько дней я почувствовала себя въ силахъ продолжать дальнѣйшій путь; дала знать о томъ Маркизу, а равно и ожеланіи моемъ ѣхать одной; но онъ, для моей безопасности, захотѣлъ проводить меня до послѣдней станціи, гдѣ мы разстались; онъ поѣхалъ въ домъ къ своему отцу, а я въ Ранольфу, за нѣсколько миль отъ Плаченцы."

„Графъ Монтальдъ принялъ меня холодно, и даже едва позволилъ себя обнять. Онъ съ

сердцемъ упрекалъ меня за упрямство, показанное при перешнемъ обратномъ вступленіи въ его домъ; называлъ меня своенравною, легкомысленною, неблагодарною. . . Матъ моя такъ же обо мнѣ уже не жалѣла. Такой пріемъ моихъ родителей, какого я вовсе не ожидала, не допустилъ меня разсказать имъ, какъ я предполагала, о встрѣчѣ съ Маркизомъ и о великодушномъ его обращеніи со мною. Я боялась, чтобъ такой не ожиданной перемѣны, не приписали любовной связи между симъ Дворяниномъ и мною. Прежде еще, нежели узнала о его исторіи, замѣтила я, что они не очень расположены были въ его пользу. И такъ почла за благоразумное

дѣло ничего объ немъ не говорить; но сколько за то тревалась, будучи принуждена молчать о прекрасныхъ свойствахъ, обнаруженныхъ любезнымъ Маркизомъ въ томъ, какъ онъ поступилъ со мною."

„Розалія чуть не умерла отъ радости, когда опять меня увидѣла. Такимъ образомъ ея милое товарищество составляло единственное мое утѣшеніе; по тому что, къ нещастію, я замѣтила великую ко мнѣ перемѣну въ моихъ родителяхъ, которыхъ холодность дѣлала для меня несноснымъ мое пребываніе въ ихъ домѣ. Тогда съ любезною Розаліею старалась я забыть ихъ равнодушіе."

Протекло три мѣсяца, а я не видала Маркиза и не переставала объ немъ думать: на этотъ разъ я упрекала бы сама себя въ неблагодарности, если-ли бы желала истребить воспоминаніе о томъ, чьему усердію была столько обязана. По моему мнѣнію, не могла я забыть этого человѣка, и однакожъ должна была отказаться отъ его добродѣтелей. Розалія довольно часто получала отъ него письма; она не пропускала сообщать мнѣ отъ него поклоны и просьбы, объ немъ помнить. Я узнала также чрезъ нее о смерти отца его, Маркиза Сен-Беральди, и что молодой Маркизъ наслѣдовалъ его права и всѣ имѣніе.“

„Однажды, какъ я была съ Розаліею въ ея комнатахъ, вошелъ слуга доложить о пріѣздѣ Маркиза Сен-Бераль ти. Я тотчасъ хотѣла уйти; но лишь только подошла къ дверямъ, какъ Маркизъ явился и, схвативъ меня за руку, сказалъ. „Ахъ! Пэлмира! любезная моя пріятельница! вѣрно отъ меня вы хотѣли укрыться? Такъ что сталъ я страшенъ, что не можете перенесть и моего взгляду. Скажите, что это значитъ?“ Я отступила со стыдомъ, и не знала, что отвѣчать. Наконецъ стала благодарить за оказанныя нѣкогда мнѣ услуги, извиняясь, что не могла найти случая изъявить прежде моей признательности.“

„Я пріѣхалъ нарочно съ вами увидѣться,“ сказалъ онъ мнѣ „и просить васъ о продолженіи той дружбы, которою вы меня удостоивали. Безъ сомнѣнія, вамъ пріятно услышать, что малютка моя, Аделаида, здорова, мила, и ходитъ почти; матушка желаетъ отъ всего сердца такъ же съ вами увидѣться. Съ тѣхъ поръ, какъ она познакомилась съ вами, объ этомъ только и говоритъ, и собирается попѣнять, что не пріѣдете навѣстить ее, а такъ же и мою малютку, Аделаиду? Не меня ли опасаетесь?“ — „Такъ, я не права, и досадую сама на себя, для чего въ нѣсколько мѣсяцовъ не видала вашей милой дочери. Будьте увѣрены, при первомъ

благопріятномъ случаѣ.“ — „Не льзя желать вамъ лучшаго,“ отвѣчалъ Маркизъ: „Сестрица собирается въ дорогу; какъ она будетъ рада ѣхать съ вами. Матушка также обрадуется, когда узнаетъ, что вы согласились проводить ея племянницу до Локарно.“ Розалія тутъ же начала меня упрашивать, и я не могла отказаться, съ тѣмъ однакожъ, есть ли это позволятъ мои родители. Розалія сама пошла къ матушкѣ меня выпросить, въ чемъ и успѣла. — Дорога наша была очень весела, въ продолженіе которой Маркизъ, имѣя случай говорить со мною наединѣ, повторялъ нѣсколько разъ о продолженіи моей дружбы. Я не могла таить отъ него, что это чув-

сіво совершенно въ моемъ сердцѣ: но сколько желала, что бъ оное обратилось въ его сердцѣ въ любовь!“

„Маркиза Сен-Бералыи была напередъ увѣдомлена ея сыномъ о моемъ пріѣздѣ; радость, оказанная ею, и отличной пріемъ увѣрили меня въ ея расположеніи. Она употребила всѣ средства сдѣлать пріятною жизнь мою у нихъ въ домѣ. Съ сердечнымъ удовольствіемъ увидѣла я маленькую Аделаиду, которая была въ самомъ дѣлѣ мила и довольно подросла. — Признаюсь, я чувствовала истинное сожалѣніе, что не навѣстила ее прежде; по тому что это любезное дитя заставило принять въ

себѣ великое участіе. Довольно было взглянуть на ея прекрасное личико, которое было совершенная миніатюра отца, что бы ее полюбить. . . . "

„Страсть моя къ Маркизу возрастала день отъ дня; однакожъ чѣмъ больше я чувствовала силу ея, тѣмъ болѣе избѣгала случаевъ быть съ нимъ на-единѣ; хотя сердце мое тайно того и хотѣло. Ласки и угожденія въ послѣднемъ его обращеніи со мною съ тѣхъ поръ, какъ я начала жить въ Локарно, кажется, заключали въ себѣ что то болѣе привязанности; я горѣла нетерпѣніемъ изъясниться; но желала, что бы какая нибудь нечаянность подала къ тому поводъ. "

„Небо исполнило мое желаніе. Въ одинъ день Розалія предложила мнѣ прогуляться по саду; я согласилась. — Маркизъ также не преминулъ пойти съ нами. — Розалія остановилась нарвать цвѣтовъ; между тѣмъ какъ Маркизъ и я продолжали идти далѣе. Мы дошли до конца сада, гдѣ стоялъ маленькой Турецкой шатеръ, подъ которымъ и сѣли; что бы даждаться Розаліи. Сія то была минута; самая пріятная въ моей жизни; когда я услышала изъ устъ моего обожаемаго Маркиза; въ самыхъ страстныхъ выраженіяхъ столь желаемое изъясненіе въ любви. Напрасно принуждала я себя скрыть свои чувствованія. Онъ напомнилъ мнѣ отъ слова до

слова мое обращеніе къ пѣвицѣ Аделаиды, когда я лежала больная въ Сузѣ. „Ахъ, дорогая Палмира!“ сказалъ онъ мнѣ самымъ нѣжнымъ голосомъ „не-дѣлайте сопротивленія склонности вашего сердца; не отказывайтесь отъ чувствованія, которое столь для меня драгоцѣнно, и можетъ совершить счастіе насъ обѣихъ. Когда нечаянность открыла мнѣ вашу тайну; то сердечная рана, причиненная мнѣ потерею Аделаиды, была еще болѣзненна.“ — Въ эту минуту я помышляла только о жестокой своей участи; и глубокая печаль, которой онъ предавался противъ воли, остонавливала пріятныя движенія моего сердца. „Палмира! Безъ васъ потеря

Аделаиды вовлекла бы меня во гробъ; но Небо, ниспосылающее всѣ блага, можетъ дать ихъ, и взять обратно, смотря по тому, каковы будутъ Его предназначенія. Оно послало мнѣ Аделаиду, эту милую женщину для того, чтю бы, лишась ее, спозналь я горесть, опредѣливъ разсѣять ее послѣ встрѣчи съ вами. Моя признательность, дружба, ваши достоинства обратили всё мое вниманіе на опасность вашего здоровья. Я старался угодить вамъ своею заботливостію и ускорить ваше выздоровленіе. Удовольствіе, съ какимъ я оказывалъ вамъ мои слабые услуги, и пріятное обхожденіе между нами въ продолженіе дороги, произвели во мнѣ сча-

сплывое развлеченіе мыслей, внушивъ при томъ лестную надежду, вознаградишь потерю моей Аделаиды чрезъ обладаніе вашимъ сердцемъ и рукою. — Обожаемая Палмира! укрѣпите меня въ моей надеждѣ, что выполните желаніе вашей покойной подруги, возвративъ ея дочери мать, равную ей достоинствами и добродѣтелями! Вспомните, что она, при послѣднемъ дыханіи, объ васъ мнѣ говорила. Ахъ! естьли бъ ей возможно было изъ гроба устремить къ намъ взоръ свой; то я увѣренъ, что она кроткою улыбкою изъявила бы свое удовольствіе и даже щастіе, видя, сколько я васъ предпочитаю всякой другой на свѣтѣ."

„Я ничего не могла отвѣчать; а только вздыхала. Онъ взялъ мою руку, прижалъ къ своему сердцу и просилъ позволенія изъяснить такое молчаніе въ его пользу. Мое замѣшательство, жаръ въ лицѣ и не обыкновенное волненіе души, соединенныя съ мыслію о томъ, что онъ слышалъ мою шайну въ Сузѣ, не могли, думала я, подать ни малѣйшаго сомнѣнія о состояніи моего сердца, и что дальнѣйшее упорство произвело бы въ немъ невыгодное, въ разсужденіи меня, мнѣніе; сколько можно было, собралась я съ духомъ, и открылась ему въ своихъ чувствованіяхъ, однакожъ съ просьбою, простить мнѣ неприличность моего поступка. „Про-

спитъ васъ, милая Палмира!“ вскричалъ онъ съ восторгомъ; „Скажите лучше, благословляйте мою судьбу, пославшую мнѣ встрѣчу съ вами!“ Онъ осыпалъ мою руку поцѣлуями; тогда я встала и пошла къ Розаліи продолжать нашу прогулку.“

„О! въ какомъ сладостномъ восхищеніи была душа моя, когда я слушала изъявленіе любви, обожаемаго мною, Маркиза! Надежда, смѣю сказать, несомнѣнность, какую я имѣла владѣть мужчиною по своему сердцу, мужчиною, которой восхищался мною, и для котораго хотѣла жертвовать всемъ, что было для меня драгоцѣнно, свободою, самою жизнію; такая надежда меня

оживила, и умъ мой занялся пріятными мечтами о совершенномъ щастіи.“

„Розалія была также внѣ себя отъ радости, когда я открыла ей мой разговоръ съ Маркизомъ; онъ самъ нетерпѣливо желалъ сообщить его своей сестрѣ, примолвивъ, что положилъ съѣздить на короткое время къ своему дядѣ, Барону Сенп-Альба, что бы найти случай поговорить съ моимъ батюшкою. Онъ и въ самомъ дѣлѣ туда отправился, послѣ нашего возвращенія: тогда я часто имѣла случай видѣть его у моей подруги и слышать отъ него увѣренія въ вѣчной любви. Какъ счастливы были минуты, проведенныя нами нроими вмѣстѣ!

Какое стараніе взаимно угождать другъ другу; какая пріятная свободность въ разговорахъ; какая нѣжность и вѣжливость въ обхожденіи; наконецъ какая любезность въ немъ самомъ! Два мѣсяца протекли въ такомъ щастіи; они протекли быстро. . . Но я не ожидала, что бы они были предшественниками будущихъ бѣдствій. . . . . “

Конецъ третьей Части.

НАСЛѢДНИЦА МОНТАЛЬДА,

или

ПРИВИДѢНІЕ

и

ТАИНСТВА

ЗАМКА БЕЗАНТО.

Часть четвертая.

Сочиненіе Анны Радклифъ,

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА, 1818.

Въ Университетской Типографіи.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Января 14 го 1818 года, *Медицины Докторъ и Профессоръ П. О. и Кавалеръ Василій Котельницкій.*

НАСЛѢДНИЦА МОНТАЛЬДА.

ГЛАВА VIII.

Суровость ко мнѣ родителей съ каждымъ днемъ увеличивалась; они говорили со мною очень сухо, и каждое слово ихъ заключало въ себѣ грубой упрекъ, или повелительность, на которыя малѣйшее возраженіе приводило ихъ въ гнѣвъ. Часто готова я была открыть имъ свои тайныя чувствованія; но какъ скоро отворяла ротъ, что бы ихъ сообщить имъ, не заботясь, какъ начать говорить; они приказывали мнѣ

молчать такимъ оскорбительнымъ образомъ, что я всегда находила себя принужденною удаляться отъ ихъ присутствія, не могши сдѣлать имъ желаемаго признанія; однакожъ съ надеждою, что найду ихъ когда нибудь расположенныхъ выслушать меня хладнокровно. Ахъ! мнѣ не возможно было получить столь благопріятной минуты! — Я конечно думала иногда, что сама подала имъ поводъ щитать меня, глупою упрямицею; но не видѣла однакожъ справедливой причины поступать со мною такъ жестоко.“

„Однажды я изумилась, услышавши, что батюшка требуетъ меня въ свой кабинетъ. Въ ту минуту, какъ я вошла,

онъ держалъ въ рукахъ письмо, которое, казалось, читалъ съ великимъ вниманіемъ. Я подумала, что оно содержало въ себѣ открытіе любви моего милаго Маркиза, и хотѣла было говорить, какъ онъ, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: „Приготовься, дочь моя, принять ласково одного дворянина, моего друга, которой пріѣдетъ къ намъ завтра; я назначаю его будущимъ моимъ зятемъ: онъ очень вѣжливъ; можетъ быть, найдешь его съ лишкомъ основательнымъ; но для своенравной и легкомысленной дѣвицы, какова ты, нуженъ такой мужъ, котораго бы твердость и опытность умѣли тебя исправить.“ — Я испугалась такого рѣшительнаго при-

казанія, какого совсѣмъ не ожидала. „Батюшка!“ сказала я въ отчаяніи и съ стѣсненнымъ сердцемъ, „смѣю ли васъ просить, сказать мнѣ, кто таковъ нынѣ другъ вашъ?“ — „Графъ Роза, старшій сынъ Герцога М***“ „О родитель мой!“ прервала я, бросясь къ его ногамъ, „не растерзывайте моего сердца и не требуйте отъ меня того, на что не въ силахъ я согласиться.“ — „Упрямица!“ возразилъ онъ съ негодованіемъ, „я хочу, что бы ты мнѣ повиновалась.“ При сихъ ужасныхъ словахъ залилась я слезами и оставила кабинетъ неумолимаго отца своего.“

„Я искала Графиню, что бы ей чистосердечно признаться, и разсказать, какъ сурово по-

ступалъ со мною батюшка; я нашла ее въ ея комнатѣ; она о чемъ то плакала; однакожъ согласилась меня выслушать. Тутъ я открыла ей подлинное состояніе своего сердца, свою давнюю привязанность и вѣрность къ одному молодому дворянину; разсказала о безцѣнныхъ его свойствахъ, и что онъ не былъ меня ниже, ни родомъ, ни богатствомъ, и наконецъ просила ее вообразить всю великость моей жертвы, которую принесть рѣшилась, когда увидѣла невозможность имъ обладать; — вообразить, что сама судьба захотѣла удалить препятствія нашего соединенія, сблизивъ насъ такъ неожиданно въ Монастырѣ С. Агнесы. „Вотъ какимъ образомъ,

прибавила я, оживилась во мнѣ надежда, и оставлено мною желаніе скрыться навсегда отъ свѣта. — О родительница моя! нѣтъ на свѣтѣ для меня тягостнѣе несчастія, какъ выдти за Графа Розу!“

„Она молчала, но лице ея не являло досады; наконецъ сказала съ нѣкоторымъ чувствомъ, что жалѣетъ о привязанности моей къ Маркизу Сен-Бераллти, будучи увѣрена, что батюшка не захочетъ выдать меня за этого молодаго человѣка, сколь ни важны и надежны были бы личныя его качества. „Мнѣ извѣстны,“ продолжала она, „свойства и правила твоего отца. Никогда не перемѣнялъ онъ того, на что рѣшался однаж-

ды. Всегда имѣлъ онъ высокое уваженіе къ графу де ла Розѣ, и давно желалъ быть съ нимъ въ родствѣ, полагая за истину, что пожилой мужчина всегда способнѣе составить щастіе своей женѣ, нежели молодой съ самыми прекрасными качествами. Впрочемъ не совѣтую тебѣ отчаяваться; обѣщаюсь приложить все стараніе, заставишь его подумать о твоемъ положеніи; надѣюсь нынѣшнимъ же вечеромъ улучить время поговорить съ нимъ о тебѣ. Будь въ этомъ увѣрена, дочь моя!“ — „О естьли бъ вы уговорили его, дражайшая родительница!“ сказала я, цѣлуя у ней руки: „ваше заступленіе въ моемъ несчастіи, по крайней мѣрѣ, будетъ служить от-

радою для вашей дочери.“ Уходя отъ нея, просила я позволить мнѣ увидѣться съ Розаліею; она было не соглашалась на это; но напослѣдокъ позволила.“

„Никто никогда не былъ пораженъ такою печалію, какою Маркизъ, когда узналъ отъ меня о происходившемъ между мною и моимъ батюшкою. Онъ самъ хотѣлъ было идти къ Графу, броситься къ его ногамъ и открыть взаимную нашу нѣжность. — Въ случаѣ же, естьли не будетъ выслушанъ. или получитъ отказъ въ отмѣнѣ роковаго брака, употребитъ всё для моего избавленія, что только найдетъ нужнымъ, и что будетъ состоять въ его власти. Но я, зная вспыль-

чивость моего родителя, не согласилась на такой его поступокъ, которой не только не обѣщалъ ничего хорошаго, но еще могъ подать поводъ къ увеличенію моихъ мученій, какія наносило мнѣ суровое со мною обхожденіе, начавшееся съ самаго возвращенія моего изъ монастыря С. Агнесы; оно то не допускало меня, какъ ни сильно я желала этого, осмѣлиться говорить о Маркизѣ, и излить благодарность и нѣжность мою за его важныя услуги, оказанныя мнѣ во время моей болѣзни, когда я лишена была средствъ помочь себѣ сама.“

„Бывъ не упѣшенъ въ своей горести, онъ предложилъ мнѣ нѣсколько плановъ; но они

не были приняты; потому что неминуемыя слѣдствія тайнаго обвѣнчанія, если бъ мы на него отважились, при одной мысли о нихъ приводили меня въ трепетъ. И такъ надлежало разлучиться и оставить всѣ намѣренія. Боже мой! какая разлука! какъ была она нѣжна и какъ тяжела! Я уже не имѣла случая съ нимъ видѣться до самой злополучной моей свадьбы."

„Когда я пришла отъ Розаліи; то батюшка сталъ меня жестоко бранить. „Знаю," говорилъ онъ съ гнѣвомъ, „знаю, почему такъ усердно навѣщаешь ты Розалію. Притворщица! ты никогда меня не обманешь! Давно уже подозрѣвалъ я тебя въ вѣроломствѣ: неожиданной

пріѣздъ твой изъ Монастыря, открылъ мнѣ все лукавство твоей души, увѣривъ меня въ справедливости моихъ догадокъ.“ Я смѣшалась; однакожъ хотѣла оправдаться, но онъ не далъ мнѣ времени. „Не хочу ничего отъ тебя слышать. Вижу, что надобно сдѣлать съ тобою!“ Я начала было говорить. „Молчи, непокорная!“ закричалъ онъ, разгорячившись; „прочь съ глазъ моихъ!“

„Бывъ принуждена исполнить столь жестокой приказъ, я вышла отъ моего самовластнаго судьи, и скрылась въ комнату свою, что бы свободно предаться слезамъ. Здѣсь провела я самую мучительную въ моей жизни ночь, и насту-

пилъ день, что бы еще болѣе увеличить мои страданія."

„Графъ де ла Роза, прибывшій въ ночи, ожидалъ меня къ завтраку. Я не видала его нѣсколько лѣтъ; потому что онъ жилъ отъ насъ очень далеко и весьма рѣдко навѣщалъ батюшку. Его описывали угрюмымъ, и даже нѣсколько не пріятнымъ по наружности; но въ погдашнемъ обстоятельствѣ я надѣялась увидѣть въ немъ стараніе понравиться; впрочемъ ни мало не располагалась равно отвѣчать на вѣжливости будущаго своего супруга, которой никакъ не могъ равняться съ милымъ Маркизомъ."

„Когда я вошла въ столовую залу; то Графъ подлинно принялъ меня съ самыми обык-

новенными привѣтствіями; далѣе онъ не болѣе оказывалъ ко мнѣ внимательности, сколько и тогда, когда я была ребенкомъ. Это меня ободрило и заставило думать, что я имѣла дѣло съ самымъ холоднымъ и скучнымъ человѣкомъ. За столомъ батюшка безпрестанно разговаривалъ съ нимъ о свадебныхъ приготовленіяхъ, и положилъ, чтобы намъ обвѣнчатыя на другой же день вечеромъ."

„Матушка была, кажется, не довольна обращеніемъ Графа Розы, въ которомъ не примѣчалось радости о вступленіи въ такое родство, которымъ гордился бъ всякой Италіанской Дворянинъ. — Являемое имъ въ семъ случаѣ равноду-

шіе оскорбило матушкино самолюбіе. Или сердце ея о лишь расположено было къ прежнимъ чувствованіямъ; только она осмѣлилась извѣявить своему мужу сомнѣніе о будущемъ счастіи, естьли выдадутъ меня противъ воли за того, къ кому имѣла я одно лишь отвращеніе, и кто самъ казался нечувствительнымъ къ моей молодости и красотѣ. Но батюшка, принявъ повелительной тонъ, принудилъ ее оставить свои представленія, и изъяснился, что, имѣя одну только дочь, онъ рѣшился соединить свой домъ съ домомъ Розовъ и не допуститъ выдти мнѣ ни закого, кромѣ его друга, которому не терпѣливо желаетъ ввѣрить мою участь. И такъ

мнѣ надлежало покориться и принести самую тяжкую жертву, какой только могли отъ меня потребовать."

„Пришли отъ батюшки сказать, что бы я поспѣшила собраться; потому что священникъ и прочіе меня уже ожидали. Ни чѣмъ такъ мало не занималась я, какъ своею уборкой. Мнѣ пришло на мысль одѣться въ то платье, въ которомъ нѣкогда хотѣла предстать предъ жертвенникомъ въ монастырѣ С. Агнесы. — Я велѣла принесть его, и, съ помощію горничной, наскоро и кое какъ его надѣла; между тѣмъ какъ Розалія уныло и безмолвно на меня смотрѣла."

„Когда я совсѣмъ была готова; то печально подошла

къ своей подругѣ; она, обнявъ меня, прижала съ горячностію къ своему сердцу, не могши, какъ и я, выговорить ни одного слова. -- Въ семъ трогательномъ положеніи упопали мы въ слезахъ до тѣхъ поръ, какъ наконецъ, прервавъ молчаніе, вскричала я плачевнымъ голосомъ: „О Розалія! не оставимъ другъ друга. Мнѣ нужно имѣть тебя при себѣ въ минуты страшнаго обѣта, которой принуждена буду произнесть. Увы! И такъ на вѣкъ должно мнѣ отказаться отъ того, кого люблю болѣе жизни своей! . . . Ужасная мысль! . . . . И такъ впредь будетъ для меня преступно и помышлять объ немъ! . . . Ахъ! для чего не можетъ онъ видѣть,

какъ я страдаю въ эту лютую минуту! Безъ сомнѣнія мой обожаемой Беральди сжалился бы надо мною. . . Нѣтъ, пусть онъ не видитъ моего сердечнаго мученія, пусть забудетъ мою любовь; болѣе всего теперь этого желаю! . . . Но я, я въ одной могилѣ обрету конецъ моимъ бѣдствіямъ; тамъ только развѣ забуду милой предметъ моей нѣжности! . .“

„Я была прервана матушкою, которая, войдя къ намъ, велѣла мнѣ идти за собою. Смотря на ея пышной нарядъ, не льзя было и помыслить, что меня хотятъ предать тому, къ кому не лежало мое сердце, и что выхожу за мужъ по принужденію. Мы, сколько

могли, отерли наши слезы и печально пошли за нею къ ведущей въ церковь, галлереѣ; тамъ ожидало насъ многочисленное собраніе, которому слѣдовало быть при церемоніи, вмѣстѣ съ большею частію нашихъ и чужихъ служителей, собравшихся посмотрѣть, какъ мы будемъ проходить. Мнѣ надлежало вынести нестерпимыя изъявленія радости предстоявшихъ, которыхъ привѣтствія и поклоны, какъ бы кинжалами, пронзали мое сердце. Въ ту минуту, какъ вокругъ меня всѣ тѣснились, кто то въ длинномъ плащѣ, съ распущенными волосами и въ навислой шляпѣ схватилъ мою руку и, вложивши въ нее свёрнутую бумажку, мгновенно

скрылся между служителями. Любопытствуя знать, что въ ней было, я съ Розаліею отошла въ уголъ галлереи, гдѣ, развернувъ бумажку, прочла при слабомъ свѣтѣ лампады слѣдующія, концемъ ножика начерченныя, слова.“

„Я не могъ преодолѣть въ себѣ желанія еще разъ поговорить съ вами, не смотря на лютую скорбь, какую чувствую, видя васъ, выходящую за мужъ. Да сопутствуютъ вамъ во всемъ теченіи жизни вашей Небесныя благословенія, которыхъ вы достойны, и сколь мало теперь ни имѣю я права на ваше ко мнѣ вниманіе; позвольте однакожъ просить васъ уважить ужасное прощаніе, которое въ сихъ строкахъ дѣ-

лаетъ вамъ навсегда самой злополучный изъ смертныхъ Сенъ-Беральди."

„Едва не послѣдовалъ со мною обморокъ, какъ я прочла эту записку: чуть переводя духъ отъ сильнаго стѣсненія въ груди и ослабѣвъ, упала я на руки къ своему другу и лежала на нихъ до тѣхъ поръ, какъ сердце мое, смягчившись наконецъ, дало полную свободу течь слезамъ. Матушка застала меня въ этомъ жалостномъ состояніи; она была пронуша; вздохнула; но благоразуміе заставило ее скрыть свои мысли. Она уговорила меня отереть слезы и постараться идти за нею спокойно."

„Мы вошли въ церковь, великолѣпно убранную. Графъ

Роза и батюшка почти въ ту же минуту вошли въ другія двери, со множествомъ провожатыхъ, что увеличивало видъ пышной торжественности, какъ будто предвѣщавшій благополучіе будущихъ супруговъ, столь мало впрочемъ одинъ къ другому подходившихъ. . . . Строгіе взгляды, бросаемые на меня батюшкою, приводили меня въ робость. Теченіе слезъ, которыхъ я не въ силахъ была удержать, возбудило въ немъ негодованіе. Онъ поспѣшно подошелъ ко мнѣ, и сказалъ на ухо: „Не уже ли и здѣсь ты смѣешь показывать свою глупую печаль?“ На это отвѣчала я только тѣмъ, что потупила глаза.“

„Когда начался брачной обрядъ; то Графъ де ла Роза пришелъ также въ великое смущеніе; едва онъ смѣлъ изрѣдка на меня поглядывать. Онъ взялъ у меня руку, но съ видомъ сильнаго замѣшательства; наружность его показывала даже, что онъ боролся съ тайными, терзавшими его, чувствованіями. Неоднократно смѣшивалъ онъ церемонію: даже въ одну минуту чуть не напугалъ зрителей, въ сильномъ дрожаніи посмотрѣвъ вокругъ себя, блуждающими взорами и спросивши почти дрожащимъ голосомъ: „Гдѣ мой другъ?“... Я не знала, что заключить о такой странности, и мнѣ вкралась въ голову мысль, что онъ чувствовалъ столько же

ошвращенія отъ этого союза, сколько и я; однакожъ послѣ двухъ или трехъ таковыхъ осшановокъ, роковой обрядъ кончился."

„Когда мы вышли изъ церкви; то еще была я поражена страшнымъ ударомъ, увидя своего милаго и обожаемаго Маркиза, протѣснявшагося сквозь народъ и скоро скрывшагося изъ глазъ. Невозможное дѣло описашь, что чувствовало сердце мое въ эту страшную минуту; по крайней мѣрѣ та., которая сама была въ подобномъ положеніи, не могла сдѣлашь точнаго представленія."

„Мы пробыли еще недѣлю въ Ранольфи: потомъ Графъ собрался къ отъѣзду, и я простилась съ мѣстопребываніемъ

моихъ родителей, нимало не извиняя ихъ, что выдали за того, къ кому не чувствовала никакой склонности. Оставя Ранольфи, Графъ и я съ моими слугами отправились въ замокъ Ольму."

„Наша дорога была безопасна и не имѣла примѣчательнаго, кромѣ того, что Графъ обращалъ ко мнѣ особенное вниманіе, чего до сихъ поръ не ожидала я по его прежнему обхожденію. Пріѣхавъ въ Ольму, я замѣтила въ немъ скрытную печаль. Нѣкоторыя, выговоренныя мною, слова заставили его опасаться съ моей стороны догадокъ и выѣдываній; съ тѣмъ ли, чтобъ положить на меня всю должность, или чтобъ разсѣять

мою задумчивость, вдругъ предался онъ сладострастной и самой безпечной жизни, въ которой моя грусть не позволяла мнѣ брать участія, хотя и старалась я не думать о прошедшемъ: но такое стараніе не сильно было исшребить упрековъ совѣсти, напоминавшей ежеминутно о обѣщаніи дорогой Аделаидѣ, не оставлять маленькой ея дочери."

„Но какъ было выполнить желаніе моей подруги? Правда, по ея хотѣнію, отказалась я отъ монастырской жизни; но поступки мои подчинялись власти супруга; съ другой же стороны и самымъ присмотромъ за симъ дитятемъ не навлеку ли на себя всегдашняго безпокойства и печали, про-

должая по неволѣ имѣть сношеніе съ Маркизомъ, коего не могла уже видѣть и о коемъ даже не могла мыслить, не сдѣлавъ преступленія противъ моего мужа. Это тяготило мое сердце и умножало во мнѣ уныніе. Аделаида оканчивала жизнь свою съ тѣмъ увѣреніемъ, что у ея любезной малюшки буду я вмѣсто матери; могла ли я, не сдѣлавшись чудовищемъ, нарушить толь священное обѣщаніе, данное подругѣ моей при ея смертномъ одрѣ! Эта обязанность была для меня дороже самой жизни; не выполнить ея было ужасно, не смотря, что я неизбѣжно подвергалась личному сношенію съ Маркизомъ."

„Среди сихъ безпокойствъ я рѣшилась открыть Графу о желаніи моей подруги, и о принятой мною на себя обязанности. И такъ я просила его позволить, выполнить такой священной долгъ: онъ согласился и даже похвалилъ меня за такое дѣло.“

„Тогда умъ мой занялся еще болѣе размышленіемъ о Маркизѣ, маленькой Аделаидѣ и о моемъ несчастномъ положеніи. Это произвело столь сильное разстройство въ моемъ тѣлѣ, что начали опасаться моей смерти. Доктора присовѣтовали мнѣ перемѣну воздуха, и Монпелье признанъ самымъ способнѣйшимъ для скораго поправленія. Я сказала Графу о моемъ желаніи про-

сить его съ собою. Онъ объявилъ, что исполнитъ это цѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что перемѣна мѣста освободитъ и его отъ ужасной пустоты, которая безпрестанно мучитъ."

„Передъ отъѣздомъ написала я къ Маркизѣ Сен-Бералъти за извѣстіе, что, имѣя необходимость на нѣсколько времени уѣхать, не могу выполнить обѣщанія, даннаго любезной и нещастной ея снохѣ, касательно маленькой Аделаиды, прося ее прилагать свои попеченія, пока мое положеніе дозволитъ заплатить священнѣйшую должность и выполнить послѣднее желаніе умершей; что вскорости и надѣюсь сдѣлать. Такъ какъ не льзя было

увѣдомить ее о мѣстѣ отъѣзда; то я и не упоминала объ ономъ; письмо же отдала своей горничной, которая осталась нѣсколько больна, приказавъ послать его не прежде, какъ уѣду."

„Графъ не терялъ времени; мы собрались въ два дни, и въ третій поутру отправились въ Монпелье. Радость его, продолжавшаяся во все путешествіе, заставила имѣть ко мнѣ все вниманіе и принуждала меня думать, что онъ умѣлъ сдѣлаться любезнымъ. Такое начало благополучія, соединясь съ красотою и разнообразностію, встрѣчающихся, видовъ, произвели въ душѣ моей сладостныя ощущенія и нѣкоторую надежду видѣть конецъ,

или, покрайней мѣрѣ, уменьшеніе печали. Тщетная мысль! ... Судьба хотѣла разлить горесть на всю мою жизнь; и я снова не замѣдлила быть предметомъ ея жестокихъ и неожиданныхъ ударовъ."

„Какъ скоро остановились мы въ трактирѣ внизу горы Ценисъ; то подошелъ къ намъ съ маленькою корзинкою плодовъ одинъ мужчина, одѣтой во Французское но бѣдное платье: съ перваго взгляду я почла его за проѣзжающаго бѣднаго Француза, требующаго помощи и представляющаго плоды свои, чтобъ избавиться отъ названія нищаго; но какое было мое удивленіе, когда, поглядѣвъ ему въ лице, я увидѣла Маркиза! Онъ былъ

блѣденъ, худъ, взоры его выражали жестокія мученія. Немогши снести его присутствія безъ внутренняго движенія, какое вѣрно бъ мнѣ измѣнило передъ моимъ супругомъ, я отвернулась и побѣжала скрыться въ первую, встрѣтившуюся, комнату, чтобъ снова залиться слезами."

„Во время сей сцены, Графъ занимался отдачею приказовъ къ продолженію нашей дороги. Служанка, подавшая мнѣ закусить, подала вмѣстѣ и письмо, по надписи котораго узнала я Маркизову руку; я взяла его, положила на грудь и, выждавши всѣхъ, раскрыла и прочла слѣдующія слова:

„Я въ отчаяніи, видя васъ „толь несчастною! . . . . Графъ

„Роза, кажется, не знаетъ „цѣны того сокровища, коимъ „владѣетъ. Сердце мое страж„детъ отъ его малаго внима„нія и холоднаго равнодушія ко „всѣмъ достоинствамъ вашимъ. „Что касается до меня; то „при васъ только нахожу ис„шинное счастіе. Я оставался „по близости отъ Ольмы и не „рѣдко тамъ васъ видѣлъ; но „не смѣлъ позволить себѣ гово„рить, боясь тѣмъ оскорбить „васъ, или опечалить. Не могу „противиться желанію слѣдо„вать за вами во Францію; „ибо чѣмъ болѣе васъ вижу, „тѣмъ больше чувствую не „возможность проститься съ „вами на вѣки."

„Судите, дорогая Миссъ, до чего это должно было уве-

личить мою скорбь! Какія размышленія страшились овладѣть моимъ умомъ и разрушить тѣнь того спокойствія, которое думала получить въ удаленіи отъ Ольмы и новомъ обращеніи Графа! Образъ милаго Маркиза не оставлялъ меня. Онъ переносилъ всю усталость и всѣ тягости, чтобъ видѣть меня; смотрѣть, что со мною происходитъ, и думать ежеминутно о моей безопасности. Не только чрезъ насильное и тягостное замужство отнята у меня самая пріятнѣйшая надежда къ соединенію съ нимъ, надобно еще, что бы предметъ моей любви подвергался самой несносной участи! . . . .“

„Въ продолженіе остальной дороги я была крайне печальна.

Пріѣхавъ въ Монпелье, мало посѣщала общества и почти никого къ себѣ не звала до тѣхъ поръ, пока случай заставилъ меня познакомиться съ вами и съ вашимъ батюшкою, къ которому Графъ тотчасъ возымѣлъ особенное уваженіе; поздравляя меня съ пріобрѣтеніемъ такого дружбы, онъ очень радовался, ибо прежде того не одинъ разъ выговаривалъ мнѣ за то, что я многихъ не навѣщала и была пристрастна къ уединенію."

„Однажды, войдя въ Графовъ кабинетъ, увидѣла я, лежащую на полу, передранную бумагу; какъ рука ея показалась мнѣ знакома; то любопытство заставило ее поднять. Но какое было мое изумленіе

и письмо, когда я стала читать. Это было письмо отъ бабушки къ Графу, присланное вскорѣ послѣ моей несчастной свадьбы; оно содержало слѣдующія жестокія и варварскія слова."

„Надѣюсь, любезный Графъ, что дочь моя честна и исполняетъ свою должность, хотя сердце ея, какъ я сказалъ, и не было расположено къ вамъ; но нынѣшнія дѣвицы, любезной другъ, не знаютъ своей пользы и нимало не умѣютъ слѣдовать разсудку; а для того и нужно запрещать имъ всякое сообщеніе, даже всякой родъ свиданія съ тѣми молодыми и вѣтренными людьми, которые, къ соблазну другихъ, расточаютъ приданое своихъ женъ и наслѣдство, и выдавать

за однихъ совершеннолѣтнихъ и строгихъ, способныхъ управлять ими и сберегать ихъ имущество. Всячески совѣтую вамъ не заводить ни какой связи съ Маркизомъ Сен-Бералыи, умѣвшимъ вскружить голову моей дочери до того, что я отъ нее въ безпрестанномъ страхѣ, естьли вы не." . .

„Я не могла читать далѣе; потому что письмо было отодрано въ этомъ мѣстѣ."

„Все тѣло мое задрожало! Могъ ли родной отецъ быть столько безчеловѣченъ, что бъ захотѣлъ разрушить будущее мое спокойствіе, открывъ всѣ тайны моего сердца, и при томъ тому, кто отъ самаго пустаго подозрѣнія способенъ былъ воспылать наижесточайшею рев-

постію? Этотъ поступокъ былъ для меня обиднѣе всего, мною выперпленнаго. И подлинно сего могла я ждать отъ мужа, въ которомъ истреблялась вся ко мнѣ довѣренность: ибо искренній его другъ, отецъ его жены, предупреждалъ не довѣрять ей, и дѣлалъ убійственное заклятіе противъ несчастнаго Маркиза. По крайней мѣрѣ заключала я такъ изъ послѣднихъ словъ письма, приводившихъ меня въ ужасное опасеніе. . . . Не смотря на то, я не примѣчала никакой перемѣны въ обращеніи Графа: часто находила его очень задумчивымъ, но ни мало не печальнымъ; и мое къ нему почтеніе столько увеличивалось, сколько оказывалъ онъ себя умнымъ и вели-

кодушнымъ, что не говорилъ о писанномъ моимъ отцемъ."

„Только въ Левкатѣ Графъ обнаружилъ великую перемѣну въ характерѣ и обхожденіи. Помните, дорогая Миссъ, какъ почтильіонъ принесъ непріятное извѣстіе! Вы знаете, что тогда было, и какъ мы ворошились назадъ; но не знаете, что услужливой проводникъ, бывшій съ нами большую часть дороги и помогавшій мнѣ взбираться по самымъ узкимъ тропинкамъ на гору Ценисъ,—былъ Маркизъ въ платьѣ горнаго жителя; онъ сказалъ о себѣ уже въ ту минуту, какъ мы, вышедши на дорогу, оставили васъ назади въ нѣкоторомъ разстояніи. Тогда, не будучи слышимъ, онъ открылся, и го-

ворилъ съ нѣжностію: „Ахъ, Палмира! вы видите, что я васъ веду въ то мѣсто, куда имѣлъ уже счастіе провожать: могу ли надѣяться быть нѣкогда въ вашихъ мысляхъ?“ — „Такъ,“ отвѣчала я въ сильномъ волненіи, „хотя и нужно для моего спокойствія забыть васъ, хотя должность моя безпрестанно сражается противъ чувства болѣе нѣжнаго; но, къ нещастію, разумъ мой слабѣе моего сердца. . . .“ Приближеніе Графа прекратило нашъ разговоръ, въ которомъ по необходимости я должна была взять участіе.“

„При возвращеніи въ этотъ замокъ, встревожило меня крайнее безпокойство Графа, которой принужденъ былъ оставить

меня, и возвратиться въ Безанто, куда его звали. Къ этой непріятности присоединялась еще другая, не менѣе важная. Я лишилась моей горничной въ наше отсутствіе: она была единственною повѣренною моего сердца; ибо мое несчастное положеніе заставило изливать мои чувства въ сердце другаго и съ нимъ плакать, чтобъ себя утѣшить. Графъ, передъ отъѣздомъ, захотѣлъ въ замѣну того дать мнѣ женщину по своему выбору; Виттоpія понравилась ему по ея хорошему обращенію; нанявъ ее, онъ приставилъ для моихъ услугъ и вскорѣ послѣ того уѣхалъ изъ Ольмы, оставя мнѣ для компаніи своего брата и новую горничную."

„Вы знаете о любезномъ обхожденіи Виттиоріи; какъ она старалась предупреждать мои желанія во всемъ, что могло быть для меня пріятно; какъ вспомоществовала умомъ своимъ къ разсѣянію моей задумчивости и въ моемъ занятіи; знаете, какъ часто я восхищалась ея красотою, которую скрывала она подъ своимъ вуалемъ, а больше голосомъ, въ которомъ находила я сладостное сходство и отъ котораго слезы воспоминанія и нѣжности наполняли глаза мои и, скатываясь по щекамъ, упадали на грудь: такія пріятности и нѣжныя вниманія, скоро сдѣлали ее любезною моему сердцу.“

„И такъ провела я мѣсяцъ въ прелестномъ товариществѣ Виттоpіи, ни мало не сомнѣваясь о знатности ея происхожденія, и всегда почитала ее такою, какою она себя представляла; но я уважала ее, какъ особу рѣдкую по ея наружности, любезному и веселому характеру, особливо по ея разуму; не знаю и сама, по чему во всемъ этомъ не подозрѣвала я никакой хитрости.“

„Однажды, когда васъ не было, я подлинно испугалась, увидя, что Виттоpія упала къ моимъ ногамъ и обнимала ихъ съ восхищеніемъ. „Что ты дѣлаешь, Виттоpія?“ Сказала я, пришедши въ удивленіе. Она, вставши, вдругъ сбросила съ себя покрывало. Боже

мой! въ какомъ была я изумленіи, когда узнала въ ней Маркиза Сен-Бералыши! Я невольно вскрикнула, старалась уйти; но онъ остановилъ меня. „Знаю, сколько я виновенъ передъ вами, что осмѣлился появиться здѣсь переодѣтой и подъ ложнымъ именемъ; но доброе сердце ваше подаетъ мнѣ надежду, что вы простите въ такой хитрости тому, кто не можетъ жить, не видя васъ и не обожая. Ахъ, Пальмира! не вмѣняйте мнѣ въ преступленіе, что я искалъ счастія быть при васъ, и наслаждался имъ съ тѣхъ поръ, какъ принятъ Графомъ къ вамъ въ услуженіе. Успокойтесь, умоляю васъ, успокойтесь, и позвольте сказать вамъ еще нѣ-

сколько словъ: тогда умру охотно“

„Удивленіе и горесть лишили меня употребленія языка: я была въ необычайномъ душевномъ волненіи; а умъ мой пришелъ въ такое смущеніе, которое сдѣлало меня неспособною на что нибудь рѣшиться. Я хотѣла бѣжать отъ присутствія Маркизова; но не доставало у меня силъ, и я противъ воли упала въ кресла, бывъ сражена борьбою противныхъ между собою мыслей и чувствованій. Онъ придвинулъ свой стулъ и сѣлъ насупротивъ, взявъ мою руку; я старалась представить ему, сколь онъ безразсудно поступилъ, дерзнувши въ такомъ видѣ и подъ чужимъ именемъ войти въ за-

мокъ Графа Розы, котораго я была женою, и которой могъ бы погубить насъ обѣихъ, когда бы объ этомъ свѣдалъ, чего я справедливо могла опасаться отъ глупой страсти Графа Албани къ Беральти Виттиріи, котораго покушенія необходимо долженствовали сдѣлать развязку и открыть, кто она такая.“

„Маркизъ употреблялъ всѣ возможныя усилія разъувѣрить меня во всемъ этомъ, потомъ опять умолялъ меня простить его: „Ахъ, Пальмира!“ говорилъ онъ, „любовь сему причиною и несносная тоска — жить въ разлукѣ съ вами: любовь принудила меня пуститься на величайшія опасности и преодолѣть всѣ препятствія, что

бы къ вамъ приближиться, хотя я и лишенъ надежды обладать вами. . . . Сколь велико было бы мое блаженство, когда бы я вмѣсто Графа при жертвенникѣ наречень былъ супругомъ Палмиры! Какое чувствовалъ бы я сердечное умиленіе, увидя при своей маленькой Аделаидѣ вторую мать, во всемъ достойную первой!“ Живое представленіе всего, сказаннаго Маркизомъ, такъ меня поразило, что я, лишась, чувствъ, упала въ обморокъ. Вы пересказали мнѣ послѣ, въ какомъ состояніи нашли меня и мнимую Виттторію, которой голова склонена была на мое плечо; вы съ нею перенесли меня на другое мѣсто и положили на софу; я была какъ мертвая, но

ваши старанія возвратили мнѣ жизнь; слѣдствіемъ возвращенія чувствъ моихъ была мучительная тоска; умъ мой наполнился страшныхъ опасеній; я ужасалась присутствія Маркизова въ моемъ домѣ и трепетала при мысли, что онъ можетъ себѣ измѣнить и быть узнанъ. Хотя и увѣрена была, что онъ меня любилъ; хотя и чувствовала тайную къ нему признательность за всѣ опасности, которымъ онъ подвергался изъ любви ко мнѣ, и что бы увидѣть меня; однакожъ не могла не охуждать неблагоразумнаго поступка его; но воображеніе о томъ, что его страданія равнялись моимъ, всего было несноснѣе для болѣзненнаго моего сердца. Ахъ! спокойствіе, въ которомъ

чтобъ усыпить свою страсть черезъ отверженность и соблюденіе должности, употребила я столько усилій; — сіе спокойствіе неожиданной роковой случай нарушилъ навсегда!“

„Я опасно занемогла, и вотъ что такъ сильно тревожило Виттторію; смертельное безпокойство не оставляло меня ни на минуту. Я пугалась присутствія Виттторіи; а когда ее не было при васъ, или при мнѣ; то страхъ, что бы она въ горести своей себя не открыла; заставлялъ меня трепетать. Я не терпѣливо желала сообщить вамъ свою тайну и просить у васъ совѣта; но мнительность, въ которой пребывалъ мой умъ, дѣлала меня къ тому не способною.

„Когда я нѣсколько оправилась; то вздумала чуждаться присутствія Сен-Бераль-ти: власть, которую имѣлъ онъ надъ моимъ умомъ и сердцемъ заставляла меня бояться измѣнить своей должности, естьли въ обращеніи съ нимъ буду по прежнему легкомысленна. Угадавъ, можетъ быть, что я рѣшилась его убѣгать, и видя, что я уклонялась отъ случаевъ быть съ нимъ наединѣ, онъ прибѣгнулъ къ вамъ и упросилъ васъ увидѣться съ нимъ нынѣшнимъ вечеромъ въ садовомъ гротѣ, вѣрно для того, чтобы дать вамъ знать о своемъ положеніи. Графъ Албани помѣшалъ вамъ; я услышала отъ васъ, что случилось; это вдругъ вывело

меня изъ недоумѣнія; мнѣ представилась вся опасность, какую могла навлечь дальнѣйшая медленность; я вооружилась твердостію и принудила себя сказать ему, что бы онъ оставилъ меня навсегда. Онъ повиновался. Но, ахъ, любезная Миссъ, какъ бѣденъ языкъ въ сравненіи съ тѣмъ, что чувствуетъ сердце! . . . Онъ не найдетъ выраженій описать истинно сей люшой разлуки! Онъ удалился отъ меня; вы видите скорбь мою; я не могу утаить отъ васъ, что сердце мое и въ сію минуту терзается мучительною тоскою, которая, ахъ! лишаетъ меня всей надежды возвратить когда нибудь миръ душѣ моей, сколько ни употребляю усилій

забыть несчастнаго Маркиза, какъ повелѣваетъ мнѣ должность, но не возможно удалить его изъ мыслей; и я часто проливаю слезы о горькой нашей долѣ. Однакожъ, мой милой другъ, я удвою усилія изтребить его изъ памяти; какъ ни дорого будетъ стоить мнѣ такое рѣшительное намѣреніе. И такъ прошу васъ, изъ любви ко мнѣ, никогда не дѣлать мнѣ такого вопроса, которой бы могъ объ немъ напомнить, сколь бы ни странными показались вамъ когда нибудь мои поступки; я не стану уже, естьли только будетъ возможно, впредь объ немъ говорить. Ахъ! какъ была бы я счастлива, естьли бъ могла объ немъ и не думать! Гдѣ онъ теперь, и какая участь

его ожидаетъ? Отпуская его, я не спросила, куда онъ отправится, изъ боязни, что бы послѣ не подвергнуться искушенію навѣдаться, какъ онъ живетъ. . . . Да пошлетъ ему Всевышній душевный миръ, которымъ никогда не буду я наслаждаться! Да возвратитъ Онъ ему навсегда благополучіе, котораго достоинъ; пусть я одна буду осуждена проводить бѣдственную жизнь! . . .“

Здѣсь Графиня кончила свою исторію.

ГЛАВА IX.

По окончаніи своей печальной и трогательной исторіи, Палмира открыла свое намѣре-

ніе отправиться къ Графу въ замокъ Безанто, сказавши мнѣ, что въ домѣ ея жилъ Маркизъ, котораго черты остались напечатлѣнными на каждомъ предметѣ, и что часы, которые будетъ она здѣсь проводить, станутъ доставлять новую пищу для ея грусти. „Мнѣ надобно убѣгать," говорила она, „всего, что только можетъ приводить его на память. Видъ моего супруга, надѣюсь, вовсе изтребитъ его въ умѣ моемъ. Но я всё еще трепещу, когда помыслю о безразсудномъ его поступкѣ. . ." Я одобряла такое намѣреніе, какъ благоразумную предосторожность, и думала согласно съ нею, что поѣздка въ Безанто, можетъ, если ли не изкоренить ея не-

чаль, по крайней мѣрѣ ослабить ее, или удалить на нѣкоторое время.

Она написала къ Графу, прося его согласиться на ея желаніе, пріѣхать къ нему въ Безанто, уваживъ то, что она, занемогши отъ тоски, надѣется при немъ и при другомъ воздухѣ ускорить возстановленіе своего здоровья.

Запечатавъ письмо, она тотъ же часъ его отправила и съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидала отвѣта.

Но какое было изумленіе, когда она, получивъ его, увидѣла въ немъ, при сухости слога, что удаленіе и унылость погасили искру привязанности къ ней, тлѣвшую въ груди ея супруга. Въ одномъ

мѣстѣ письма Графова было сказано:

„Палмира не найдетъ ни „какого удовольствія, пріѣхавши „сюда: я желалъ бы лучше, „что бы она оставалась въ „Ольмѣ съ Миссою Клиноръ, съ „которою она должна быть „счастлива, и о которой я „увѣренъ, что ласки и пріят- „ности ума заставятъ забы- „вать, или, по крайней мѣрѣ, „будутъ замѣщать пустоту, „причиненную моимъ отсут- „ствіемъ. Безанто, мѣсто „страшное, такъ равно и его „окрестности. . . . Даже слуги „мои живутъ здѣсь прошивъ „желанія. — Унылой видъ замка „такое имѣетъ вліяніе на роб- „кія души ихъ, что не про- „ходитъ безъ того ни одной

„ночи; что бы они не были „напугиваемы какою нибудь без- „дѣлкою, а всё отъ пустыхъ „и суевѣрныхъ разсказовъ, раж- „дающихся отъ вздорныхъ мы- „слей, и сплетаемыхъ сими „жалкими невѣждами. Я не оста- „вался бы такъ долго въ этомъ „печальномъ жилищѣ, когда бы „дѣла, чрезвычайно важныя, не „дѣлали не обходимымъ мое при- „сутствіе. Кажется, довольно „сказалъ я, что бы Палмира „могла посудить, буду ли я сча- „сливъ, когда возвращусь въ „Ольму.“

Палмира не могла выдти изъ удивленія, причиненнаго ей столь таинственнымъ отвѣтомъ; она нѣсколько разъ его перечитывала, не могши остановишься ни на какомъ заключе-

нiи о причинѣ мнимыхъ страховъ Графскихъ служителей, ни также угадать на какiя вздорныя мысли супругъ ея хотѣлъ ей намѣкнуть. Это странное письмо дала она прочесть и мнѣ, желая знать, что объ немъ думаю. Я была въ равномъ недоумѣнiи, и призналась ей, что не въ состоянiи сообщить ей никакого рѣшительнаго мнѣнiя. „Это видно,“ сказала она, „что онъ нежелаетъ моего пріѣзда въ Безанто; но не могу понять, по чему называетъ онъ страшнымъ жилищемъ этотъ замокъ, котораго красоты и прелестныя окрестности столько разъ прежде выхвалялъ мнѣ. . . . . Наконецъ сколь бы ни были важныя дѣла, которыя туда его

вызвали, но теперь пора бы ихъ окончить. Я рѣшилась отправиться къ Графу, и мое желаніе увидѣть его, равняется нетерпѣнію оставить это мѣсто, гдѣ всё, что ни представляется глазамъ моимъ, возбуждаетъ во мнѣ скорбь. Когда мнѣ все здѣсь противно; по чему не могу уѣхать раздѣлить, или стараться усладить скуку моего супруга? Развѣ я не жена его? Для чего ему такъ отъ меня таиться? А всего болѣе, что значатъ такая холодность и такія странныя предлоги удерживать меня отъ себя въ отдаленіи? Милая Миссъ Клиноръ! Есть ли я поѣду въ Безанцо, какъ надѣюсь, не откажетесь, изъ уваженія къ дружбѣ нашей, меня проводить туда?"

„Вамѣ ли бояться, что вздорныя мысли невѣждѣ," какъ выразился Графъ, „могутъ имѣть вредное на васъ вліяніе? Я охотно за вами послѣдую," былъ мой отвѣтъ, „есть ли вамъ это пріятно?" — „Очень хорошо," подхватила Палмира, „я напишу къ нему, что вина болѣзни моей — его отсутствіе, что я чувствую себя совершенно несчастною, находясь отъ него въ такомъ отдаленіи, и что не надѣюсь поправить своего здоровья, если-ли буду оставаться въ Олмѣ." Она пошла приготовить письмо и отослать его съ, ожидавшимъ, посланнымъ.

Во шесть недѣль отсутствія Графова, получили мы отъ него только два извѣстія.

Столь примѣтное нерадѣніе не въ состояніи было отвлечь Палмиру отъ того предмета, о которомъ она искренно желала не помышлять. — Не смотря на всѣ усилія строгой добродѣтели, она не могла не замѣтить великой разницы между поступками Графа де ла Розы и поступками де Сен-Бералыи, и параллель сія, безпрестанно представляясь ея уму, повергала ее въ люшѣйшую скорбь о томъ, что злополучной жребій предалъ ее власти такого человѣка, которой столь мало имѣлъ права быть любимымъ по своему къ ней хладнокровію.

Графиня возвратилась ко мнѣ, когда я, сидя, размышляла о ея положеніи; она ска-

вала, что отправила свое письмо, но что непонятная таинственность вдругъ заставила ее рѣшиться, прибыть въ Безанно въ одно время съ посланнымъ. Въ слѣдствіе этого мы не теряли ни одной минуты. Она приняла къ себѣ новую горничную, молодую, просподушную и очень хорошаго поведенія; приготовленія къ отъѣзду нашему были сдѣланы въ тотъ же день, и въ слѣдовавшее за нимъ утро мы оставили Торнону.

Дорога наша была очень весела, выключая не большой непріятности, происходившей отъ жару; потому что мы ѣхали въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Мы не очень спѣшили, съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы имѣть время

удивляться красотамъ природы; одна только она могла привлекать любопытство Палмиры! Мы проѣхали подлинно прекрасные и плодоносные мѣста, находящіяся между Торшоною и Безанто; а въ четвертой день нашего пути вечеромъ увидѣли башни сего замка, лежащаго въ окрестностяхъ Беллинзоны, на границахъ Швейцарланда.

Палмира, которая во время дороги принуждала себя казаться спокойною, и даже иногда веселою, весьма примѣтно смутилась, когда почтарь нашъ, оборотясь къ намъ и указывая рукою, сказалъ: „Вонъ, сударыни, Безанто! Между этими деревами можно разглядѣть зуб-

цы башенъ.“ Мы привстали, что бы посмотрѣть; но Палмира мгновенно упала опять въ коляску, бросивъ на меня безпокойной взоръ: „Милая Клиноръ!“ произнесла она, „мнѣ что то дурно.“ Сила сего перваго впечатлѣнія продолжалась не долго. Мы опять обратили глаза на то же мѣсто, и сквозь деревья усмотрѣли двѣ весьма высокія башни, которыхъ зубцы были позлащаемы послѣдними лучами заходящаго солнца. Палмира издала тогда глубокой вздохъ и сказала: „Я не думала такъ скоро очутиться передъ Безанто.“ Тутъ она замолчала. Но когда мы выѣхали на мостовую, ведущую къ подъемному мосту сей крѣпостцы; то

Палмира сильно встревожилась. „Ахъ, какъ мнѣ дурно, я едва ли доѣду!“ И съ сими словами упала она безъ чувствъ ко мнѣ на руки. Коляска остановилась, между тѣмъ какъ я, съ помощію горничной, старалась привести ее въ себя, что мнѣ и удалось чрезъ нѣсколько минутъ; но она стала жаловаться на нездоровье. „Это отъ того,“ сказала она, „что мнѣ грозитъ какое нибудь несчастіе; я предчувствую очень худое . . . . Чего бы кажется мнѣ бояться? Но, можетъ быть, Графъ оскорбится моимъ, неожиданнымъ, пріѣздомъ, и подумаетъ, что я захотѣла узнать дѣла, которыми онъ здѣсь занимается. Я начинаю раскаяваться, что поторопилась от-

правиться въ путь и не подождала его отвѣта въ Тор . . .“ Внезапный ужасъ, который однакожъ не имѣлъ худыхъ послѣдствій, отнялъ у ней языкъ; онъ былъ причиненъ глухимъ и довольно продолжительнымъ стукомъ кареты, проѣзжавшей подъемной мостъ: тутъ почтарь поудержалъ лошадей и тихонько поѣхалъ вдоль аллеи изъ сосенъ, насаженныхъ по краямъ широкихъ, водою наполненныхъ, рвовъ; отсюда увидѣли мы не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи главный въѣздъ въ жилище, которое имѣло видъ крѣпости.

Наружность Безанто представляла глазамъ высокую степень великолѣпія и величественности. — Это было древнее зда-

ніе, воздвигнутое славными Римлянами, столько, же отличившимися въ полезномъ искуствѣ зодчества, сколько и въ страшной наукѣ военной, и котораго хорошее расположеніе и превосходная архитектура достаточно свидѣтельствовали о ихъ геніѣ и величіи. Крѣпкое положеніе сего замка заставляло вѣрить, что потомственныя племена употребляли особенныя попеченія о сохраненіи его; рука времени, казалось, для того только его коснулась, что бы сдѣлать еще живописнѣе, украсивъ внѣшность башенъ темноватою, но вѣчно свѣжею зеленью; на нихъ видѣнъ былъ плющь, переплетающійся своими собственными вѣтьвями, устилающій до самаго

верху сіи древнія стѣны, потомъ опускающійся къ землѣ; и такимъ образомъ образующій длинныя и широкія зеленыя бахромы, которыя весьма пріятно занимали зрѣніе, увеличивая удивленіе.

„И такъ этотъ-то Безанто?“ сказала Графиня со вздохомъ, и стараясь принять на себя видъ спокойный. О себѣ же скажу, что душа моя была исполнена нѣкоторымъ родомъ благоговѣнія; но въ то же самое время не знаю, какой то страхъ принуждалъ меня сожалѣть, что я не уговорила Палмиру сюда не ѣздить.

Какъ скоро подъѣхали мы къ замку; то отворились большія ворота, и карета, проѣхавши тихо длинной подъѣздъ и по-

томъ широкой дворъ, остановилась у большой лѣстницы, ведущей къ перистилю самой простой архитектуры. Когда мы въѣхали на сей дворъ; то кровь застыла во мнѣ отъ страшнаго шуму тяжелыхъ желѣзныхъ запоровъ, заворившихся за нами воротъ; тогда смущенный взоръ мой обращался на всё, что насъ окружало; я увидѣла, что Безанто, которого наружности удивлялась я съ удовольствіемъ и чувствомъ нѣкотораго уваженія, былъ весьма хорошо укрѣпленъ и рачительно со всѣхъ сторонъ охраняемъ; это самое родило во мнѣ ужасную мысль, что сей замокъ былъ конечно темница; и я не сомнѣвалась, что здѣсь томилось въ за-

ключеніи нѣсколько несчастныхъ жертвъ тиранскаго угнѣтенія; такъ, по крайней мѣрѣ, думала я, когда мы пошли вверхъ по лѣстницѣ; да и Палмира, безъ сомнѣнія, не другія имѣла мысли о семъ жилищѣ; потому что, хотя она и думала прикрыть свой страхъ молчаніемъ, я видѣла ее дрожавшую.

Графъ не выходилъ насъ принять, хотя Графиня и не замѣдлила приказать о себѣ доложить. Насъ встрѣтили только слуги, которые, едва оказывая намъ видъ нѣкотораго почтенія и принужденной услужливости, привели насъ въ прекрасную и огромную залу, гдѣ довольно сухо сказали намъ, чтобъ мы подождали Графа. Мы имѣли время осмотрѣть.

разныя части сей превосходной залы, которой панели были кедровыя, а полъ мозаической работы изъ прекрасныхъ мраморовъ; два большія готическія окна въ садъ имѣли расписанныя стекла, которыхъ живопись изображала разные героическіе предметы изъ древности. Всѣ здѣсь являло въ высокой степени великолѣпіе первыхъ временъ. Но всего болѣе привлекъ мое вниманіе портретъ во весь ростъ одной прекрасной особы, которая, казалось, была почти одинакихъ лѣтъ съ Графинею. Слуги, видя меня, разсматривающую его съ особеннымъ любопытствомъ, въ молчаніи бросали другъ на друга, понятные имъ, взоры, и потомъ поглядывали

но на Палмиру, то на меня; я примѣтила даже на ихъ лицахъ ироническую улыбку, въ которой взгляды ихъ, казалось, приглашали меня принять участіе; но видъ, какой я показала, заставилъ ихъ образумиться отъ такой наглости, которой, къ счастію, не замѣтила Графиня.

Графа ждали мы только нѣсколько минутъ. Угрюмость и холодность его, съ которыми онъ къ намъ вошелъ, были гораздо явнѣе грубости его служителей. Онъ весьма нерадиво поклонился своей супругѣ и, безъ всякихъ предварительныхъ словъ, изъявилъ свое неудовольствіе, что видитъ ее въ Безанпо.

Ко мнѣ онъ былъ гораздо учтивѣе: разговаривалъ со мною

ласково и распрашивалъ меня о батюшкѣ. Я поблагодарила его, увѣряя въ моей признательности за его вниманіе; но какъ глаза мои почти безпрестанно обращались на прелестной портретъ, котораго привлекательная осанка, а всего болѣе, кроткой видъ, какъ будто противъ воли, вовлекли меня въ непреодолимое любопытство. Я не могла удержаться, чтобъ не завести объ немъ разговоръ и спросить, кто таковъ былъ подлинникъ? — „Эмилія ди Удино“ отвѣчалъ Графъ со вздохомъ: „Эта Синьора были рѣдкая красавица; Безанто съ начала принадлежалъ ей, и отецъ мои отъ нея — то получилъ его въ свое владѣніе.“

Графъ не сказалъ болѣе ничего; казалось, что ему очень хотѣлось оставить насъ, и отвѣты его на всѣ мои вопросы о семъ занимательномъ портретѣ были весьма коротки и незначительны; наконецъ наше присутствіе стало ему въ явную тягость, и его обращеніе съ супругою было не только хладнокровно; но, казалось, еще скрывало въ себѣ тайное негодованіе. Палмира это замѣтила и чувствительно огорчилась; однако жъ, отъ страха ли то, или по благоразумію, остереглась изъясниться въ своемъ чувствованіи и, отеревъ навернувшіяся слезы, въ молчаніи искала вокругъ себя предметовъ утѣшенія. Увы! она не знала, что всё для нее

счастіе удалилось изъ Безанто, и что найдетъ она здѣсь только горесть и тоску.

Графиня и мужъ ея просили меня отдохнуть. Когда я осталась одна въ своей комнатѣ; то желаніе поглядѣть сколько нибудь снаружи на ту часть замка, въ которой я находилась, побудило меня открыть окно; но уже ночь опустилась на лѣса и на все, что окружало Безанто; небо покрылось густыми облаками; видѣнъ былъ только слабой сумракъ; умирающій свѣтъ, казалось, съ сожалѣніемъ удалялся за горизонтъ къ западу, и не возможно было различать ни одного предмета въ самомъ маломъ разстояніи. Однако жъ смущенные взоры мои стара-

лись проникнуть сей глубокой мракъ; какъ вдругъ молнія, засверкавъ одна за другою изъ облаковъ, натуральныхъ слѣдствій непомѣрнаго жара, осѣтили яркимъ блескомъ своимъ древнія стѣны Безанто, и дали мнѣ увидѣть, едва изчислимое, множество предметовъ, подстрекнувшихъ еще болѣе мое любопытство; но усталость, густота мрака, а всего болѣе страхъ отъ наступавшей грозы, понудили меня удержать до утра мое рвеніе, осмотрѣть разныя части сего, столь достойнаго вниманія, жилища.

Какъ скоро наступилъ день; я встала, горя нетерпѣніемъ удовлетворить своему любопытству; до самаго завтрака прогуливалась я по садамъ, ле-

жащимъ между строеніями, образующими окрестности около ограды замка. — Сія ограда, казалось, заключала въ себѣ пространство земли весьма обширное и была неправильной фигуры; одна только сторона главнаго входа имѣла однообразіе. — Тутъ была прекрасная площадь, защищаемая со всѣхъ сторонъ широкимъ рвомъ; на краю величественно возвышалось древнее квадратное зданіе, по угламъ котораго находились четыре весьма высокія и красивыя башни, коихъ верхи были увѣнчаны зубцами, выключая одной, казавшейся ниже прочихъ. Въ послѣднемъ этажѣ каждой изъ нихъ (какъ я узнала послѣ отъ Графа) было по изящной комнатѣ, ко-

торыя сохранены въ первыя времена для того, чтобы изъ нихъ услаждать зрѣніе плѣнительными видами. Съ одной изъ сихъ башенъ видны были Швитцерландъ и Женевское Озеро, казавшееся внизу весьма близкимъ; съ другой открывалась часть Савоіи, и глаза съ удивленіемъ останавливались на гордыхъ и живописныхъ горахъ Алпійскихъ; третья показывала тѣ, смѣющіяся, плодоносныя долины, которыя встрѣчаются на пути отъ Безанто до Женевы; а четвертая стояла со стороны рощей, виноградниковъ, садовъ, на конецъ всѣхъ красотъ, которыми природа и искусство обогатили дороги, ведущія въ Верону.

Два павильіона, каждой въ видѣ полуциркуля, составляли крылья замка; они примыкали къ галлереямъ, которыя соединялися съ другими, назади находящимися, строеніями: всѣ части сего огромнаго зданія были между собою въ связи. Въ нишахъ, сдѣланныхъ снаружи галлерей, были утверждены прекрасной работы мраморныя статуи, и придавали Безанто тѣмъ болѣе величественности и красоты. Подъ каждымъ павильіономъ находились большія со сводомъ ворота, изъ которыхъ съ двухъ противныхъ сторонъ по двѣ лѣстницы вели въ богатые покои, которыхъ панели и плафоны были украшены позолотою и превосходною живописью. Пространства

мѣстѣ между строеніями были усажены всякаго рода деревьями, въ видѣ пріятныхъ аллей, либо сельскихъ лѣсочковъ, что придавало нѣкоторую прелесть, даже отдаленнымъ отъ замка, окрестнымъ мѣстамъ. Кровля полуденнаго крыла была покрыта зеленью, которая, спустившись въ разныхъ мѣстахъ, образовала чрезъ то прекрасные фестоны изъ плющу, жасмину и другихъ, перевившихся между собою, растѣній.

Во всемъ этомъ превосходномъ зданіи, казалось, не было ничего ниже западной башни. Я подошла къ ней весьма близко и увидѣла; что она окружена была толстою оградою изъ необыкновенной величины камней, скрѣпленныхъ между собою же-

лѣзными полосами и крючьями; въ сей оградѣ находились маленькія съ желѣзными затворами, крѣпко запертыя, ворота. Всё, окружавшее сію башню, имѣло видъ унылой; стѣны ея, которыхъ никогда не освѣщалъ лучь солнца, поросли плохими и ядовитыми растѣніями. Когда я устрѣмила глаза на сей оставленной уголъ; то сердце мое замерло, какъ будьто стояла я подъ стѣнами страшной темницы, и меня изумляло, какъ Графъ могъ терпѣть, что такое не чистое мѣсто обезображивало его замокъ, столь великолѣпной во всѣхъ прочихъ частяхъ.

Когда я отворотила глаза отъ сего непріятнаго зрѣлища; то они встрѣтили Графа, ко-

шорой, казалось, примѣчалъ за мною и былъ нѣсколько смущенъ. Не спросивъ меня о предметѣ моего приходу въ сіе мѣсто, онъ сказалъ мнѣ, что готовъ долженъ быть завтракъ, и предложилъ проводить меня въ столовую. Я слѣдовала за нимъ до самаго входа въ залу, гдѣ увидѣла Палмиру, насъ ожидавшую съ видомъ печальнымъ и задумчивымъ.

Послѣ завтрака Графъ, замѣтивъ наше желаніе побывать у тѣхъ воротъ, откуда видна была гора Юра, вздумалъ насъ туда проводить. Прошедши нѣсколько, упомянутыхъ мною, лѣсочковъ, пришли мы къ воротамъ, на сторонѣ праваго крыла находящимся; они ввели насъ въ пространной

садъ, котораго изящество далеко превосходило то, чего могли мы ожидать въ столь таинственномъ жилищѣ. Мы прогуливались въ немъ довольно долго, и во все это время Палмирѣ не сказалъ ея мужъ ни одного слова. Она обращала къ нему даже нѣсколько вопросовъ; но не была удостоена отвѣтовъ. Онъ говорилъ только со мною и то изрѣдка: тогда то свѣдала я отъ него, что во всякой башнѣ находилось по комнатѣ, и о нѣкоторыхъ другихъ, сообщенныхъ мною, подробностяхъ Когда мы возвратились въ замокъ, Графъ съ холодностію насъ оставилъ, ушедши запереться въ своемъ кабинетѣ.

Мы провели многіе дни въ скукѣ и печали, не зная, чему

приписать странное поведеніе Графа, такъ равно и людей его. Иной сказалъ бы, что для насъ не было въ замкѣ слугъ: они едва удостоивали насъ отвѣтовъ, когда мы требовали отъ нихъ какой нибудь услуги; и должность свою исполняли не брежно, въ молчаніи и съ примѣтною досадою, какую обыкновенно причиняло имъ наше присутствіе и наши требованія. Я подумала, что они Палмиру не щитали своею законною госпожею, удивляяся, какъ мужъ ея до сихъ поръ не приказалъ имъ торжественно признать ее такою.

Лизета (такъ называлась молодая горничная Графини) не упускала ни одного случая быть съ нами, съ тѣмъ намѣреніемъ,

что бы, услышавъ что ни будь о происходившемъ въ замкѣ, намъ это пересказать и тѣмъ доставить хотя нѣкоторое развлеченіе въ наши грустные часы. — Она сказывала намъ, что всякой разъ, когда входила въ залу, гдѣ они обыкновенно собирались, сколь бы тогда ни былъ живъ разговоръ ихъ, вдругъ возстановлялось между ими самое глубокое безмолвіе, и что угрюмая важность появлялась на ихъ лицахъ. „Они становятся недвижимы," говорила она, „и въ молчаніи подаютъ другъ другу знаки глазами. — Если-ли спрашиваю у нихъ, о чемъ они разговаривали до ея приходу; то еще болѣе нахмуриваются, и, обративъ на меня глаза, какъ бы хотятъ сказать: *не твое*

дѣло объ этомъ знать: убирайся ка лучше отсюда: а когда я пойду вонъ, то, принявъ другой видъ; провожаютъ меня усмѣшкой.“

Таковыя огорченія раздирали сердце Палмиры. — Спокрашно покушалась она спросить Графа о причинѣ столь напряженной съ его стороны скрытности, и спокрашно удерживалась отъ этого изъ опасенія осердить его. — Страхъ ея былъ столь великъ, что она едва осмѣливалась щипать себя въ безопасности съ тѣхъ поръ; когда добровольно пріѣхала предать себя въ его власть. Какъ жалѣла она, что оставила Ольму, и какъ желала получить счастіе — туда возвратиться.

Время протекало въ замѣ-

шательствѣ ума и невѣденіи, и каждой день приводилъ съ собою новыя, побудительныя причины къ скорби и сѣтованіямъ. Графъ пересталъ ночевать въ комнатѣ своей супруги: съ сихъ поръ то, что Графиня могла считать въ немъ за одну только холодность, принимала она за совершенное отвращеніе, и не сомнѣвалась болѣе въ своемъ злополучіи. Однако жъ я видала иногда Графа, взиравшаго на нее съ безмолвнымъ сожалѣніемъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторымъ родомъ удивленія. — Въ сіи минуты, казалось, онъ болѣе, нежели когда нибудь, чувствовалъ тягость въ сердцѣ и душѣ, и вдругъ, какъ будьто что то вспомнивъ, вскакивалъ съ мѣста и уходилъ отъ ея

присутствія. Признаюсь, что это было для меня крайне больно. Мнѣ пришла въ голову возмутительная мысль о томъ, что сказывала мнѣ Палмира въ своей исторіи, именно: о содержаніи письма, которое отецъ ея писалъ къ ея мужу, и въ которомъ онъ говорилъ о Маркизѣ Сен - Беральди. Такая мысль заставила меня страшиться чувства ревности, понуждавшей Графа обходиться съ своею женою столь не достойнымъ, столь жестокосердымъ образомъ.

Домоправительница въ замкѣ, называемая Изабеллою, была одна только изъ всѣхъ домашнихъ, въ которой я замѣтила нѣсколько искренней вѣжливости; она всякой разъ почти-

тельно кланялась мнѣ, когда со мною встрѣчалась. — Отъ сей то женщины надѣялась я получить нѣкоторое объясненіе странныхъ и таинственныхъ поступковъ, какія всякой человѣкъ въ Безанто старался показывать относительно къ намъ, и потому я искала случая поговорить съ нею тайно; но это, какъ я замѣтила, тѣмъ было труднѣе, что за нами приглядывали.

Однажды вечеромъ, какъ я была въ своей комнатѣ, которая окнами стояла къ саду, примѣтила я мелькнувшій огонёкъ внутри западной башни, о которой я говорила. Лизета въ сію минуту перемѣнилась въ лицѣ, заперла крѣпко двери и просила меня ее выслушать.

„Я искала васъ, сударыня," сказала она, „что бы разсказать вамъ объ одной вещи, которая очень меня тревожитъ; я не осмѣлилась объ этомъ говорить барынѣ: вы знаете, какъ она несчастна, и я пришла бы въ отчаяніе, естьли бы увеличила тоску ея."

— „Ты хорошо сдѣлала, Лизета," сказала я; „но желаю нетерпѣливо знать, что такое тебя такъ тревожитъ?"

— „Ахъ, сударыня! Я слышала отъ одной изъ здѣшнихъ дѣвушекъ, что въ здѣшнемъ замкѣ ходятъ по ночамъ нечистые духи." Я усмѣхнулась. Лизета продолжала. „Повѣрьте, сударыня! Изъ давнихъ лѣтъ бывали здѣсь чудныя происшествія, въ которыхъ ни-

кто не сомнѣвается. Дѣвушки говорятъ, что очень не давно случилось еще что то такое, о чемъ никто не смѣетъ говорить, а онѣ и думать боятся. Да сохранитъ насъ Богъ! Но какъ можно не думать о такой чрезвычайной вещи, когда насъ она испугаетъ? Однако жъ я не знаю, что онѣ подъ этимъ разумѣютъ; а меня тревожатъ всѣ такія тайности. Есть ли онѣ не лгутъ; то удивляюсь, что Графъ здѣсь живетъ; да и вы, сударыня, не такъ же ли думаете?“

— „Я также бы думала,“ возразила я, „естьли бы то, о чемъ ты говоришь, было правдоподобно; но будь увѣрена, Лизета, что они сказываютъ нелѣпости, которыя выдумы-

ваютъ, чтобы тебя напугать, и на твой щетъ позабавиться."

— „Нѣтъ, сударыня! — Всѣ, живущіе въ замкѣ, божатся въ истинѣ того, о чемъ васъ извѣщаю; да и я, съ свой стороны, вамъ божусь, что нѣсколько разъ видѣла нѣчто въ этомъ проклятомъ замкѣ?"

— „Не спорю, Лизета, что ты здѣсь много кое чего видѣла; но какъ можешь быть такъ проста, что бы божиться за справедливость какихъ ни будь смѣшныхъ разсказовъ?"

— „Смѣшныхъ разсказовъ?" вскричала она съ живостію; „такъ пожалуйте, вислушайте же меня, сударыня! Спустя два дни послѣ нашего сюда пріѣзда, какъ вы легли почивать,

я пошла также въ свою комнату: не зная еще хорошенько расположенія покоевъ, ошибкою зашла я въ большую залу, по которой бродила кругомъ, и которая завела меня въ страшную западную галлерею; я сказала страшную потому, что я чуть не умерла въ ней отъ ужасу: тамъ вспрѣтилось мнѣ какое-то пугалище, ни мущина, ни женщина. . . . Право не знаю, сударыня, на что оно было похоже; оно прошло очень скоро и изчезло въ самой темной сторонѣ галлереи. — Я, сколько могла, опомнилась и, къ счастію, нашла дорогу въ свою комнату; а то конечно не быть бы мнѣ живою. Я не осмѣлилась объ этомъ вамъ донесть, а тѣмъ болѣе барынѣ,

которую такъ берегусь огорчить; но спрашивала у Изабеллы, что бы это такое было: она мнѣ сказала, что сама часто видала то же, а также и другіе домашніе; но что надобно остерегаться объ этомъ разглашать, что бы не прогнѣвить барина. Ахъ! для чего я попалась въ такое страшное мѣсто!“ . . .

— „Можетъ быть кто нибудь изъ служителей вздумалъ надъ тобою пошутить.“

— „Охъ нѣтъ, сударыня! Увѣряю васъ, что при всемъ моемъ страхѣ, я была въ своемъ разумѣ; да и знаю, что тогда всѣ люди въ замкѣ легли спать. Но это еще не всё: вамъ извѣстно, что въ послѣднюю ночь мѣсяцъ свѣтилъ очень

ясно. Я сѣла у открытаго окошка, и, нѣсколько высунувшись изъ него, чтобъ освѣжиться воздухомъ, увидѣла опять туже фигуру, которая испугала меня въ западной галлереѣ. — Я хотѣла было не спать, что бы точно увѣриться, что это было за явленіе; но оно вдругъ изчезло внизу возлѣ самой башни: подойдите къ вашему окошку, вы увидите то мѣсто!"

Я подошла за нею къ окну, откуда и разглядѣла полной видъ башни.

— „Лизета!" сказала я, „хотя ты и видѣла что по, прошедшее подъ твоими окошками; но не льзя еще вѣрить, что бы это было существо сверхнатуральное."

— „Ахъ, подумайте сами,"

возразила она, „кто станетъ бродить по ночамъ для того только, что бы имѣть забаву пугать людей? . . . Естьли это не какой нибудь несчастной заключенникъ, котораго отъ Графа запрещено выпускать изъ замка, и которому дана только изъ жалости свобода прохаживаться послѣ полуночи на свѣжемъ воздухѣ. . . . Графъ право человѣкъ очень суровой, особливо, когда огорченъ . . . . Можетъ быть и тѣнь какой жертвы, убитой когда нибудь давно въ здѣшнемъ замкѣ. . . . это могло случиться, сударыня; вы знаете. . . . .“?

— „Оставь, Лизета,“ прервала, я, „свои противныя подробности; твое воображеніе раждаетъ такія привидѣнія,

которыя тебя пугаютъ и которыя, кажется тебѣ, представляются твоимъ глазамъ въ ночной темнотѣ, и когда ты одна. Естьли бы Графиня услышала такія твои слова; то подумай, какъ дорого могла бы ты заплатить за гнусныя и несправедливыя подозрѣнія, какія смѣешь питать противъ ея мужа?'

— „Сдѣлайте милость, сударыня, не говорите никому обо всемъ этомъ! — Я постараюсь, естьли только могу, изгребить изъ головы всякую худую мысль о Графѣ; но его поступки съ моею госпожею оправдываютъ самыя оскорбительныя подозрѣнія; ни за что въ свѣтѣ не согласилась бы я быть на мѣстѣ бѣдной Синьоры."

Въ сію минуту кто-то вызвалъ Лизету, и тѣмъ кончилъ нашъ разговоръ.

Хотя я и чувствовала нѣкоторой позывъ смѣяться надъ простотою Лизеты; однако жъ въ ея разсказѣ находила что-то такое, что возбуждало мое любопытство: но огонёкъ, показавшійся въ западной башнѣ, которую считали не обитаемою, пришелъ мнѣ на мысль, какъ бы въ подкрѣпленіе видѣнаго сею молодою дѣвушкою. И такъ я положила въ тотъ же вечеръ сидѣть у своего окошка, что бы, по крайней мѣрѣ, увидѣть, естьли не узнать, что нибудь особенное. Въ такомъ намѣреніи пошла я ранѣе обыкновеннаго пожелать спокойной ночи Палмирѣ, что бы

заблаговременно приняться за свои наблюденія; но нашла ее очень нездоровою, осталась при ней, и не прежде удалилась, какъ она легла въ постелю. Тогда было одиннадцать часовъ.

Пришедши въ свою комнату, открыла я одно окошко, рѣшившись часть ночи провести на карауле, желая узнать, что такое было предметомъ внутренняго безпокойства легкомысленной и суевѣрной Лизеты. Луна сіяла не обыкновенно прекрасно, и чистой свѣтъ ея озарялъ всю западную сторону замка, оставляя во мракѣ ту часть, въ которой я жила. Я удалила отъ себя огонь, изъ опасенія, что бы меня самую не замѣтили, и расположилась

такъ, что ничто не могло укрыться отъ моихъ глазъ на довольно большомъ пространствѣ.

Башенныя часы ударили часъ. Я начала уже отчаяваться въ успѣхѣ своей засады, и хотѣла было закрыть окошко, какъ высокая, привидѣнію подобная, фигура весьма медленно и безъ малѣйшаго шуму вышла изъ башни. Луна, которая бросала на нее свѣтъ, показала ее, одѣтою въ бѣлое платье подъ длиннымъ чернымъ покрываломъ, висящимъ съ головы до ногъ и влекущимся сзади по землѣ. Сіе покрывало имѣло отверстіе только съ шеи до груди, гдѣ сложенныя на крестъ, руки таинственнаго, дѣйствующаго лица небрежно его при

держивали. Одѣяніе и всѣ въ этомъ странномъ видѣніи не имѣло никакого сходства съ тѣмъ, что я до сего времени когда нибудь видала.

Признаюсь, что при всемъ моемъ разсудкѣ овладѣлъ мною нѣкоторой страхъ; я знала, что уже часа съ два тому, какъ всѣ въ замкѣ улеглись, и что одна только я долженствовала не спать въ сію минуту. Я не могла отвратить глазъ отъ сей чрезвычайной фигуры, которой поступь подлинно имѣла въ себѣ что то величественное; и мое удивленіе усугубилось, когда я подумала, что видѣла ее, вышедшую изъ башни. Естьли бы это былъ кто нибудь изъ живущихъ въ замкѣ, сказала я самой себѣ,

то есть другія ворота изъ него выходить, кромѣ сихъ, въ которыя даже и днемъ никто не проходитъ.

Когда занималась я разсматриваніемъ таинственнаго видѣнія, которое медленнымъ шагомъ проходило подъ моими окнами; не большой шумъ у дверей моихъ обратилъ на себя мое безмолвное вниманіе; и вскорѣ за симъ услышала я тихонько, окликавшій меня, голосъ Лизетинъ. Я поспѣшила ей отпереть, и она вошла, почти задыхаясь отъ нетерпѣнія и страху. Она сказала мнѣ, что теперь только отъ своего окошка, и что, есть ли хочу увѣриться въ томъ, что мнѣ пересказала, стоитъ мнѣ только подойти къ моему окну; но

тому что ночное привидѣніе въ сію минуту находится въ саду.

Я велѣла ей молчать, давши знать, что и сама его видѣла: но что не могу понять, что бы это такое было? Я не скрыла отъ нея своего удивленія, что оно вышло изъ башни въ такой необычайной одеждѣ, и такимъ таинственнымъ образомъ; потому что я также, какъ она, была увѣрена, что никто не изберетъ такого костюма, такой минуты, а особливо такого страннаго выхода, для прогулки по садамъ. — Множество догадокъ толпилось въ умѣ моемъ, и признаюсь, что ни одна изъ нихъ ни мало не благопріятствовала Графу.

Лизета дрожала всѣмъ тѣломъ. страхъ ея былъ столь великъ, что она, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, не могла сойти съ мѣста; однако жъ чрезъ просьбы и ободренія удалось мнѣ наконецъ побудить ее рѣшиться, подойти со мною къ окну; но трясущіяся колѣна ея подгибались при жестокихъ конвульсіяхъ ужаса. Ободряемая видомъ моего безстрашія, казалось, собралась она нѣсколько съ духомъ и разумомъ; мы подглядывали вмѣстѣ до самаго того времени, какъ наступающее утро начало разливать слабой свѣтъ свой надъ вершинами высокихъ кедровъ, и увидѣли таинственное человѣческое подобіе, прошедшее нѣсколько разъ взадъ и впередъ подъ моими окнами и

наконецъ удалившееся въ ту же башню.

„Что подумать объ этомъ?“ повторила нѣсколько разъ, оспоривающая, Лизета: „Такъ сударыня! Я не сомнѣваюсь, что въ здѣшнемъ гнусномъ замкѣ водятся нечистые духи; я отдала бы всѣ богатства свѣта, естьли бы ихъ имѣла, за то, что бы возвратиться въ Торнтону. Ахъ! я не осталась бы здѣсь ни на одинъ часъ, естьли бы могла это сдѣлать, сколь ни тяжело было бы мнѣ оставить бѣдную мою госпожу!...“

Трудно мнѣ было остановить ея непритворную болтливость; столько занята она была мыслію, что замокъ преисполненъ привидѣній, что я никакъ не могла унять ея стра-

ховѣ, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ее молчаливою, и боялась, чтобѣ ее не услышали, начиная думать, что, можетѣ быть, и для самихѣ насѣ опасно узнать о томѣ, что происходило вѣ замкѣ. Сіе только мнѣніе, которое ей было мною открыто, заставило ее понизить голосѣ: потому что хотѣть, препятствовать говорить вѣ семѣ случаѣ, было дѣло не возможное и даже опасное. Она просила меня позволить ей остаться вѣ моей комнатѣ до наступленія дня, не осмѣливаясь чрезѣ темныя и пустыя галлереи пройти вѣ свой покой. Бѣдная дѣвушка была такѣ встревожена, что я не могла отказать вѣ ея просьбѣ.

Когда я встала на другой день; то пошла навѣстить Палмиру; но остерегалась дать ей знать о таинственномъ произшествіи прошедшей ночи. Въ теченіе дня получила она письмо, которое увѣдомляло ее о смерти отца ее, и что онъ въ послѣднія минуты изъявилъ раскаяніе, что принудилъ дочь свою выдти за Графа де ла Розу. Сіе извѣстіе увеличило до высокой степени скорбь Графини, которая безъ всякой осторожности предалась всей своей горести, и дала полную волю теченію слезъ. Вечеромъ пришелъ къ ней Графъ, что бы вмѣстѣ оплакать потерю ихъ друга и утѣшить нѣсколько свою супругу. Лизета и я удалились, когда Графъ и Пал-

мира насъ оставили: тогда было около одиннадцати часовъ.

Мы опять разположились подъ окошкомъ. Вечеръ былъ темень и ненастенъ. Лизета не могла противиться влеченію говорить о видѣнномъ нами въ прошлую ночь. „Ахъ, Синьóра!“ сказала она, вчерашнее явленіе конечно хотѣло извѣстить насъ о смерти отца моей барыни. — Это право былъ его духъ.“

Нѣсколько времени сидѣли мы, ничего не видя, и хотѣли было оставить мѣсто нашего подсматриванія; какъ таинственное человѣческое подобіе появилось и шло тихо предъ нашими глазами. Во мнѣ родилось сильное желаніе спросить его, чтобы положить конецъ

такимъ безпокойствамъ, происходящимъ отъ мнительности; но устрашенная Лизета почти насильно оттащила меня отъ окошка и его закрыла. „Какъ ты смѣшна!“ сказала я: „для чего закрывать тебѣ окно, когда я объ этомъ тебя не просила? Не ужели ты боишься, что бы эта особа не взлезла въ него къ намъ?“

— „Особа!“ возразила Лизета съ видомъ изумленія: „не уже ли можете еще вѣрить, сударыня, что это особа, когда всѣ въ замкѣ твердо стоятъ, что онъ духъ, домовой? — „Послушай, Лизета! мнѣ хочется узнать объ этомъ духѣ, объ этомъ домовомъ, что онъ такое и для чего. . . .“ — „Боже сохрани и помилуй васъ

отъ такой смѣлости! кажется, и говоришь объ этомъ страшно.“ — Перестань же Лизета мнѣ противорѣчить. Кто бы ни былъ это, духъ ли, домовой ли, демонъ ли или человѣкъ, но я хочу съ нимъ поговорить, и ты выкинь изъ головы, что съ нами случится худое. Если онъ духъ, какъ ты говоришь, то можетъ намъ открыть такія вещи, . . . которыя убѣдятъ насъ въ истинѣ, что могутъ бродить между нами мертвецы, о которыхъ разсказываютъ всегда люди суевѣрные. Не пугайся же, я съ нимъ поговорю, если онъ тутъ.

Мы открыли окошко; но никого уже не видѣли; мы просидѣли возлѣ него цѣлой часъ,

но все напрасно. Лизета, которую не льзя было разубѣрить въ ея мнѣніи, что это былъ духъ, продолжала умолять Пресвятую Богородицу быть нашей защитницею. Опечалившись, что ни мало не удовлетворила своему любопытству, я не утерпѣла, чтобы не напасть на бѣдную дѣвушку и не укорять ее въ глупой легковѣрности. Пробило три часа, когда мы легли спать.

Конецъ четвертой Части.

3-47

LIBRARY OF CONGRESS
0 014 527 102 2